

НАУКА В ІНФОРМАЦІЙНОМУ ПРОСТОРИ

Матеріали VIII Міжнародної науково-практичної конференції

(4-5 жовтня 2012 р.)

У семи томах

Том 1

Архітектура. Мистецтво та культура. Філологія

Дніпропетровськ
Видавець Біла К. О.
2012

УДК 7+80+81'25
ББК 73
Н 34

НАУКА В ІНФОРМАЦІЙНОМУ ПРОСТОРИ
Матеріали VIII Міжнародної науково-практичної конференції

СКЛАД ВИДАННЯ

Том 1. Архітектура. Мистецтво та культура.
Філологія

Том 2. Актуальні питання сьогодення

Том 3. Гуманітарні науки

Том 4. Точні науки

Том 5. Актуальні питання
педагогіки та психології

Том 6. Актуальні питання
економіки

Том 7. Наукові дослідження в
галузі економіки: теорія та практика

ОРГАНІЗАЦІЙНИЙ КОМІТЕТ:

Голова оргкомітету:

Корецький М.Х. – д.держ.упр., професор, Заслужений діяч науки і техніки України, проректор з наукової роботи та міжнародних зв'язків Національного університету водного господарства та природокористування, м. Рівне.

Члени оргкомітету:

- Бакуменко С.Д. – д.держ.упр., професор, Заслужений діяч науки і техніки України, проректор з наукової роботи Академії муніципального управління, м. Київ;
- Дацій О.І. – д.е.н., професор, Заслужений працівник освіти України, директор Науково-навчального інституту регіонального управління та місцевого самоврядування Академії муніципального управління, м. Київ;
- Бутко М.П. – д.е.н., професор, завідувач кафедри менеджменту організацій та державного управління Чернігівського державного технологічного університету.

Н 34 Наука в інформаційному просторі : матеріали VIII Міжнар. наук.-практ. конф., 4-5 жовт. 2012 р. : В 7 т. – Дніпропетровськ : Біла К. О., 2012.

ISBN 978-617-645-071-9

Т. 1 : Архітектура. Мистецтво та культура. Філологія. – 2012. – 111 с.

ISBN 978-617-645-072-6

У збірнику надруковано матеріали VIII Міжнародної науково-практичної конференції «Наука в інформаційному просторі».

Для студентів, аспірантів, викладачів ВНЗів та наукових закладів.

УДК 7+80+81'25
ББК 73

ISBN 978-617-645-071-9

ISBN 978-617-645-072-6 (Т.1)

© Авторський колектив, 2012

К. культурологии Коненкова А.К.

ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры»,

г. Москва, Российская Федерация

ТВОРЧЕСТВО А.М. ГОРНОСТАЕВА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОГО СТИЛЯ В АРХИТЕКТУРЕ 2 ПОЛ. XIX В.

Алексей Максимович Горностаев родился в 1808 году в городе Паташове Нижегородской Губернии Ардатовского уезда. Его отец был управляющим Баташевскими заводами. Алексей Максимович рано потерял обоих родителей, и вместе с братом они вынуждены были сами зарабатывать на жизнь рисованием. Они работали копиистами в Ардатовском управлении питейного сбора [5].

В 1826 году Горностаев вслед за братом Василием переехал в Санкт-Петербург, где занимался художественными поделками (раскраской вывесок и этикеток), одновременно он сотрудничал в издательстве Павла Петровича Свиньина. Работа у П.П. Свиньина сыграла огромную роль в становлении художественного метода архитектора Горностаева. Свиньин поставил перед собой задачу популяризации знаний, относящихся к прошлому и настоящему России, и для ее осуществления организовал экспедицию по древним русским городам [10]. Вместе с ним в эту поездку по северной и средней России отправился Алексей Максимович. Во время путешествия он изучал и зарисовывал памятники древнего зодчества. Все его путевые работы были впоследствии опубликованы в 1839 году в альбоме «Картины России». Яркие впечатления от произведений древнерусского зодчества заложили основу формирования стиля будущего архитектора. Исследуя истоки сложения русского архитектурного стиля 90-х годов XIX века, архитектор К.М. Быковский, председатель Московского архитектурного общества, писал: «Говоря о поэзии, которой дышат наши древние памятники, я не могу не вспомнить человека, который обладал необыкновенною способностью воссоздавать это поэтическое художественное настроение сродное с

тихой грустью нашей родной песни. Я говорю ... о незабвенном Алексее Максимовиче Горностаеве» [1].

Благодаря своей работе над изображениями древних русских церквей он привлек внимание академика архитектуры Василия Алексеевича Глинки, и в 1929 году был определен архитектурным учеником в ведомство Царскосельского дворцового правления, где проработал до 1831 года. В Царском Селе уже с 1825 года помощником архитектора В.П. Стасова по восстановлению зданий Екатерининского дворца и Лицея работал брат Алексея Максимовича, Василий. Стасов представил Алексея Максимовича архитектору А.П. Брюллову, и тот взял молодого архитектора в команду по постройке Михайловского театра в Санкт-Петербурге. По совету Брюллова Горностаев, выполнив проект дачи в стиле позднего классицизма, добился в 1834 году аттестации как архитектора в Академии художеств. Тогда же в 1834 году Горностаев отправился за свой счет за границу, где пробыл 4 года, путешествуя по Германии, Италии и Франции [5]. Это было время знакомства с архитектурой западной Европы, сохранившимися там памятниками византийской и раннехристианской архитектуры. Из его записок известно, что в поездке он более всего заинтересовался памятниками византийского и арабского зодчества в Сицилии, а также древнехристианскими постройками [10].

Таким образом, уже в начале профессиональной деятельности, под влиянием непосредственного поэтического восприятия и тщательного изучения допетровской архитектуры, сложился круг основных художественных интересов Горностаева, связанный с древнерусскими постройками, а также памятниками раннехристианского и византийского зодчества. Об этом писал и В.В. Стасов в своем очерке о творчестве Алексея Максимовича: «Горностаев в Академии не воспитывался и никогда во время юношества не был стеснен никакими классными программами. С самого детства он был наполнен к другому, русскому, отечественному, своему искусству, которое знал, потому что видел вокруг себя его создания почти с того дня, когда открыл глаза, и которое было ему сродни точь в точь столько же, как сродни приходится русская народная песня русскому человеку из народа, слышавшему ее с первого дня своего рождения» [5].

В 1838 год Алексею Максимовичу было присвоено звание академика Санкт-Петербургской Академии художеств. Тогда же он участвовал в восстановлении Зимнего дворца после пожара.

Горностаев А.М. стал известным архитектором, благодаря своим работам в области гражданского строительства. Но наибольшей славы и признания он добился как автор выдающихся проектов церквей – области, где он стал одним из основателей русского стиля в архитектуре. Первой известной нам работой в храмовом проектировании стало его участие в 1840 году в конкурсе на возведение храма-памятника в честь Полтавской победы. Проект не был осуществлен, но это было его первым обращением к самостоятельному церковному зодчеству.

1840-е годы стали переломными в жизни архитектора, и его дальнейшее творчество было связано с работой в монастырях России. В 1840–50-е годы Алексей Максимович трудился над созданием архитектурного ансамбля Валаамского Спасо-Преображенского мужского монастыря, архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой Приморской пустыни под Санкт-Петербургом (1842–1862), построил один из самых крупных своих храмов – Успенский собор в Гельсингфорсе (Хельсинки) (конец 1850-х гг.), участвовал в конкурсе на проект памятника-усыпальницы князя Дмитрия Михайловича Пожарского, построенного в родовой вотчине князей Пожарских – Суздале, в Спасо-Евфимьевском монастыре (1858), работал в Александро-Невской лавре (1861–1862), построил часовню Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря в Санкт-Петербурге на Невском проспекте (1860–1861).

У истоков его работы как церковного архитектора строит святитель Игнатий Брянчанинов – настоятель Троице-Сергиевой Приморской пустыни, по рекомендации которого архитектор был приглашен игуменом о. Дамаскиным к работе в Валаамском монастыре. Выполняя свои заказы в разных монастырях и городах России и в Финляндии, Горностаев не оставлял работы в Приморской пустыни, постепенно формируя ее ансамбль. Во многом благодаря его деятельности, историки Петербурга назвали пустынь «жемчужиной русской истории, архитектуры и духовной культуры» [5].

Одной из первых работ архитектора в Пустыни является оформление Святых врат. Мы, к сожалению, не имеем точной даты их постройки. Известно, что Горностаев начал работу над воротами в 1845 году, когда им были спроектированы две, расположенные симметрично от входа, часовни во имя Спаса Нерукотворного Образа и Покрова Пресвятой Богородицы [5]. Последняя его работа над Святыми вратами – устройство к 1863 году надвратной церкви во имя Святого Саввы Стратилата. Церковь была достроена уже после смерти архитектора, последовавшей в 1862 году. Таким образом, работа над Святыми вратами охватывает весь период работы Горностаева в Пустыни и последний период его жизни.

В архитектуре часовен использованы формы русского зодчества XVII века. Вход оформлен широкой полуциркульной аркой, опирающейся на массивные низкие круглые столбы. Крыша двускатная, ее центр на фасаде отмечен возвышающимся киотом в виде декоративной трехлопастной с килевидным завершением аркой. Декоративный характер часовен был усилен облицовкой красным гранитом в 1869 году. Тогда же была построена декоративная ограда монастыря.

За часовнями открывался вид на Святые врата с высокой двухъярусной шатровой башней и надвратной церковью во имя Святого Саввы Стратилата. В композицию Святых врат были включены пристроенные слева и справа корпуса братских келий. Основным декоративным мотивом оформления Святых врат является мотив полуциркульных арок, перекликающийся с оформлением часовен у входа. Фасад строится на сочетании горизонтальных рядов аркад и вертикальных линий, подчеркнутых центральным шатром и симметричными маленькими шатрами на кровле. Первый ярус представляет собой три мощные проездные арки на массивных столбах. Центральная арка выделена килевидным киотом с образом Спасителя. Место расположения надвратной церкви Святого Саввы Стратилата в башне отмечено трехчастным окном с высокой центральной частью, напоминающим византийские трехчастные окна. Общий силуэт постройки вызывает в памяти образы древнерусских теремов, создавая в целом, как писал В.В. Стасов, «чудесное, оригинальное, стройное и изящное создание» [5]. Позднее при надстройке келий была уничтожена изразцовая черепица кровли, придававшая зданию, по свидетельству очевидцев, «особую живописность» [5].

В этот же период в 1849 году Горностаев построил на Валааме церковь скита во имя Всех святых, которую освятил Святитель Игнатий Брянчанинов. В традиционной трехчастной композиции церкви (церковь, трапезная, колокольня) сочетаются элементы шатровой архитектуры XVII века и приемы византийской архитектуры: восьмигранный купол и световой барабан, завершение каждой грани барабана арками, на которых покоится купол, разделение окон сдвоенными арками на тонких колонках. Вся композиция церкви объединена мощным основанием, подчеркнутым двумя рядами карниза, оббегающего весь объем по периметру. Архитектор создал особенный образ церкви, который ясно понимали приходящие сюда паломники: «При подходе к скиту по маршруту крестного хода из монастыря высокие сосны внезапно открывают шатер колокольни – путь окончен» [10]. Изящной архитектуре Горностаева свойственна мощь и монументальность, которая в данном случае придавала скиту образ духовного оплота и была «созвучна безмолвному могучему лесу, обступающему скит со всех сторон» [10].

В 1852 году Горностаев построил на Валааме Никольскую церковь Никольского скита, которую В.В. Стасов назвал одной из «оригинальнейших и талантливейших церквей всего нашего Отечества» [10]. Архитектурная композиция церкви (центрическое здание, организованное по принципу «восьмерик на четверике», завершенное шатром) кажется естественным продолжением скалы острова, на вершине которой расположен скит. Острый силуэт церкви открывается первым со стороны Ладожского озера, выполняя, таким образом, роль маяка и ориентира при входе в Монастырскую бухту. В оформлении храма заметны характерные для Горностаева приемы органичного переплетения стилистики русской архитектуры XVII века и византийской архитектуры XI–XV вв.

Обращение архитектора к традициям византийской культуры не случайно. Несомненно, это произошло под влиянием бесед и общения Горностаева со Святителем Игнатием Брянчаниновым, занимавшимся исследованием наследия Святых отцов церкви. К тому же, русское научное общество в это время делает «первые серьезные попытки осмысления и изучения истории Византии и ее

места в русской и мировой истории» [6]. Итоги развития византистики в России в 1853 году подвел А.А. Куник, сделавший доклад о проблемах византийской истории на заседании Академии Наук.

Это свидетельствовало о росте в обществе интереса к культуре и традициям Византии, обращало взгляды крупнейших его представителей к раннехристианскому и византийскому искусству.

В 1854 году по замыслу настоятеля Троице-Сергиевой Приморской пустыни Святителя Игнатия Брянчанинова была начата перестройка древнейшей церкви этого монастыря, церкви во имя преподобного Сергия Радонежского. Составление проекта было поручено Алексею Максимовичу Горностаеву. Церковь была построена и освящена к 1859 году. Ее архитектура необычна для Руси – она представляет собой тип раннехристианской базилики, образцом для которой послужила Преображенская базилика монастыря Святой Екатерины на Синае, построенная в VI веке. Образец для строительства был выбран не случайно. В статье по поводу освящения Сергиевской церкви написано, что пришедший в XVIII веке из Европы стиль основан на языческом искусстве. В то же время «все истинно православное, восточное», а также «свое западное, сохранявшее еще хоть тень типа христианского», было признано просвещенной Европой невежественным, варварским, попорно, уничтожено и заменено «с великим триумфом всем языческим» [8]. Автор пишет, что теперь архитекторы «начали изучать древние православные образцы, которые давным-давно следовало бы зодчим православных церквей студировать, вместо тех, которыми они питали свое вдохновение...» [8].

Интерес к святыням Палестины, Иерусалима, Синая, других православных центров Ближнего Востока возник в русском народе, как считают историки, еще в X веке при святом Великом князе Владимире Святославовиче, после крещения Руси [3]. В это время установились тесные контакты русской церкви с восточной: из Византии назначали митрополита на Русь, и духовными лицами совершались многочисленные поездки в Константинополь и из Константинополя на Русь. Первым русским паломником история называет Дмитриевского игумена

Варлаама [9]. Паломничества на христианский Восток в эти века совершали и миряне, о чем сохранились сведения в тексте одной из былин, где говорится о сплоченной дружине «сорока калик со каликою», которых князь Владимир принимал у себя и угощал перед их отправлением на поклонение палестинским святыням. Свидетельством многочисленного паломничества русских людей является описание «хождения» игумена Даниила (XII в.): он писал, что видел у Гроба Господня целую дружину русских людей, собравшихся со всех концов Руси [7].

Описания паломничеств позволяют нам утверждать, что русские люди воспринимали далекую Палестину как свою духовную родину. Владимир Иванович Даль приводит значение слова «палестина, палестины», ставшее в русском языке нарицательным. В народе эти слова употреблялись в разговоре в значении «отечество, отчизна (родной край), родина, домашние места» – «родные палестины», « в нашей палестине» – в значении «у нас на родине» [4].

Когда в начале XIX века в Россию стали проникать сведения, о притеснении православных в Палестине, паломничество в Святую Землю усилилось. Русские люди с волнением отнеслись к судьбе православных святынь на Ближнем Востоке, положению православных. В 1830 году были подписаны русско-турецкие договора о торговых и гражданских привилегиях русских граждан в Османской империи. Это дало возможность России в 30-е годы открыть русские консульства в Яффе, Алеппо, Латании, Бейруте, Сайде, а в 1858 – учредить русское консульство в Иерусалиме. Консулы смогли на месте убедиться в масштабах отхода местного населения от православия [3] и составить свои предложения по его укреплению в Палестине.

В 1843 году для изучения сложившейся ситуации на Ближний Восток как простой паломник был послан архимандрит Порфирий (Успенский), который по завершении своего путешествия представил отчет, доказывавший необходимость учреждения русской духовной миссии. В 1847 году такое решение было принято Святейшим Синодом русской православной церкви, утверждено императором Николаем I, и в феврале 1848 года Миссия прибыла в Иерусалим. Целью Миссии являлось совершение богослужений для русских поклонников, а

также охрана православных «словом и делом» от соращения в другую веру [11]. Возглавлял Миссию архимандрит Порфирий, в состав входил духовный писатель иеромонах Феофан (Говоров) Затворник Вышинский. В 1853 году в связи с Крымской войной деятельность Миссии была прервана и возобновлена уже по ее окончании – в 1858 году. В этот второй период деятельности Миссии ее возглавлял епископ Мелитопольский Кирилл (Наумов).

Расцвет деятельности Духовной Миссии приходится на третий период ее работы с 1865 по 1894 гг., когда ее возглавлял архимандрит Антонин (Капустин). Архимандрит руководил Духовной Миссией 30 лет. За это время с помощью императрицы Марии Федоровны им были приобретены участки в самых важных местах Святой Земли. В частности была приобретена земля близ Хеврона, где по преданию находился Мамврийский дуб. 22 мая 1871 года здесь была отслужена первая Божественная литургия, а позднее построен храм во имя святых Праотцев. При архимандрите Антонине в 1864 году был освящен домовый храм великомученицы Александры, а в 1872 году по завершении строительства был освящен на Русском подворье храм во имя Святой Троицы. При нем также было завершено приобретение земли на Елеонской горе, где находился древний русский монастырь и древняя церковь Вознесения. Усилиями архимандрита Антонина была построена новая церковь и колокольня, вокруг которой было устроено русское кладбище. Позднее, по смерти отца Антонина, в церкви находилась его могила.

Таким образом, деятельность Русской Духовной Миссии была необыкновенно плодотворна и способствовала более обширному знакомству русских людей со Святой Землей, в том числе и с архитектурными памятниками раннего христианства.

Внешний вид церкви во имя Преподобного Сергия Радонежского невыразительный. Это трехъярусный прямоугольный корпус. Ярусы отделены друг от друга карнизами четкого рисунка. Окна расположены только в первом и третьем ярусах. В архитектуре здания выделена восточная часть, где видно закругление апсиды и пять маленьких главков над алтарем. В корпусе находятся

две церкви. В нижнем ярусе, интерьер которого организован по типу древних крипт или христианских катакомб, расположены два придела во имя Христа Спасителя и во имя мученицы Зинаиды. Второй и третий ярусы занимает Сергиевская церковь, построенная как древнехристианская базилика. Вход расположен в южной стене первого яруса и выделен порталом с резными архивольтами арок.

К Сергиевской церкви на второй этаж ведет лестница. Пространство протяженного интерьера базилики разделено на три нефа двумя рядами гранитных колонн по четыре колонны в каждом. Колонны завершены резными капителями разного рисунка. Пространство церкви разделено тремя мощными поперечными арками, опирающимися на шесть крестчатых столбов. Таким образом, в интерьере выделены притвор, пространство церкви, солея, алтарь. Над притвором находятся хоры. Солея и алтарная часть повышены по отношению к остальному полу на три ступеньки. Алтарная часть отделена от солеи двухъярусным иконостасом. Средний неф, ведущий к алтарю, значительно шире боковых, но в отличие от классических древнехристианских базилик все три нефа одинаковой высоты. Этим Сергиевская церковь напоминает сирийские базилики, где часто встречалось подобное решение пространства. Колонны несут на себе полуциркульные продольные арки, равной с поперечными высоты. Таким образом, внутреннее пространство оказывается уравновешенным в своих основных конструктивных линиях. Современники писали, что, несмотря на огромность пространства интерьера, «от простоты плана, соразмерности частей и чрезвычайной стройности архитектоники, церковь кажется ... уютною» [8]. Над арками расположена часть каменной стены, на которую опираются девять ярко вызолоченных поперечных балок, а над ними золотые стропила, открывающие двускатную форму крыши до самого верха.

Пространство церкви освещают десять окон, по пять с каждой стороны, расположенные в верхней части стен почти под потолком. Полуциркульные завершения окон гармонично сочетаются с арками базилики.

Современники придавали архитектуре церкви символический смысл. Автор статьи об освящении новой Сергиевской церкви в Троице-Сергиевой пус-

тыни так описывал свои впечатления: «Войдя в нее, станьте под окончанием хор, то есть под первую поперечную аркой церкви и, не продвигаясь вперед, всмотритесь внимательно сперва в общность стелющейся перед вами перспективы храма, потом в детали его. Какая величественная тихость! Какая скромная стройность! Какое гармоническое и неблещущее богатство!.. Как все чисто, мирно, чинно, свято! – Может ли быть что-нибудь лучше, приличнее этого простого плана? От запада и до востока, от нашей темной тени смертной, до Святой Святых путь открыт невозбранно, только идите прямо: нет ни загорожек, ни углов, ни масс, нет препятствий молитвенному шествию мысли; ей не обо что запнуться, и ото всюду она прямо перед собою видит весь путь этот; а там, вдали, как заключение его, Отца своего Небесного с разверстыми для нее объятиями» [8]. Через архитектурные формы в соединении с росписью храма «предложены очам нашим, а через них чувству и разуму духовному, главнейшие черты всего христианского Богословия, с заключительной его мыслью о втором пришествии Господа, о суде и воздаянии» [8].

В.В. Стасов писал, что в своей постройке Сергиевской церкви А.М. Горностаев под влиянием образованного духовенства обратился к византийской архитектуре, постройкам Равенны, к Святому Марку в Венеции, к Константинопольской Святой Софии, к палермскому Монреалу и Палестинской Капелле, – в этой архитектуре он видел истоки совершенно нового для России типа храма [5].

Творческое обращение в архитектуре Сергиевской церкви ко временам первых отшельнических духовных опытов образно показывало преемственную связь древнего и русского монастырского строительства, основателем которого в Северо-Восточной Руси был в XIV веке преподобный Сергей Радонежский. Простота и сдержанность архитектурных форм церкви зримо напоминала монахам и паломникам об аскетических опытах первых отшельников.

Работа в Троице-Сергиевой Приморской пустыни Алексея Максимовича Горностаева под духовным руководством святителя Игнатия Брянчанинова, направлявшего его поиски в области архитектурной формы, заложила основы формирования русско-византийского стиля в архитектуре второй половины XIX века.

А традиции его архитектурных решений получили развитие в архитектуре Воскресенского собора, построенного и освященного в 1884 году по проекту А.А. Парланда, под личным наблюдением архимандрита Игнатия (Малышева).

Самой грандиозной постройкой Горностаева был Успенский собор в Гельсингфорсе (Хельсинки, Финляндия), построенный в конце 1850-х годов.

В архитектурной композиции собора Горностаев по-прежнему соединяет византийские и древнерусские элементы, выделяя, как наиболее выразительный мотив – огромный центральный шатер, который всегда был для него наиболее ярким признаком православного храма. Выделенные по четырем сторонам стилизованные портики завершены четырьмя изящными главками, а по сторонам дополнены высокими башенками также завершенными главками. Своим тринадцатиглавием Успенский собор в Гельсингфорсе перекликается с построенным великим князем Ярославом Мудрым собором Святой Софии в Киеве, являясь символом российской государственности.

Одной из последних работ Горностаева стал проект часовни Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря в Санкт-Петербурге. Она была устроена по просьбе игумена монастыря отца Парфения и по разрешению Святейшего Синода в связи с тем, что монастырю не хватало средств на устройство и благотворительную деятельность. Часовню решено было поставить на Невском проспекте в самом людном месте между Гостиным двором и домом Городской Думы перед портиком Перинной линии. В строительстве часовни помощь оказал купец и Почетный гражданин Санкт-Петербурга Г.М. Петров, оплативший все расходы. За этот благотворительный акт Петров был удостоен ордена Святой Анны третьей степени [2]. 12 ноября 1861 года часовня была освящена.

Часовня не сохранилась. В советское время она была признана «уродливой» и была снесена по требованию общества «Старый Петербург» в 1929 году. О ее внешнем виде можно судить по сохранившимся рисункам и фотографиям. Часовня выполнена в характерном для Горностаева архитектурном стиле с использованием форм русского зодчества XVII века. Это квадратное в плане зда-

ние, перекрытое восьмигранным шатром, завершенным изящной главкой на расширяющемся кверху барабане. Как можно судить по рисунку, с восточной стороны была пристроена пятигранная алтарная апсида с полукруглыми завершениями каждой грани. В центральной грани располагалось изображение креста. Сохранившиеся фотографии показывают, что с западной стороны вход в часовню был отмечен ажурным чугунным крыльцом с подзорами. Кровля имела вид трехлопастного свода с килевидным завершением, опирающегося на тонкие ажурные колонки. Таким образом, часовня приобретала осевую протяженность с запада на восток. Северная и южная стены были отмечены нишами с полуциркульными завершениями, опирающимися на карниз и низкие, массивные сдвоенные полуколонны. В верхней части углы часовни также отмечены полуколоннами, но тонкими и высокими. Сохранившийся рисунок Л. Жулиной показывает часовню с юго-западной стороны, но без крыльца. По рисунку можно сказать, что в этих нишах были расположены еще полукруглые ниши, где очевидно располагались иконные изображения [2]. Вверху стены у основания шатра проходит мощный карниз, украшенный традиционными для древнерусского зодчества поребриками и бегунцами. На этот карниз опираются килевидные кокошники с подзорами, по три с каждой стороны. В тимпанах кокошников в полукруглых нишах были расположены изображения двенадцати святых. Часовня имела богатый декор, но графического, а не пластического характера, поэтому своим количеством архитектурные украшения не перегружали часовню. Внутри размещался 3-х ярусный иконостас. Вход в часовню был оформлен ажурными дверьми, отлитыми на фабрике Шопена [3].

Как отмечали многие исследователи, в архитектурных проектах Горностаева, в созданных им церквях преобладало романтическое начало. Они создавали выразительный, эмоциональный образ как воспоминание о красоте древнерусского храма, стимулируя стремление к изучению тех древних образцов, на которые ориентировалась его архитектура, и закладывая, тем самым, основы для развития во второй половине XIX века «русского стиля».

Список использованных источников:

1. Быковский К.М. О значении изучения древних памятников для современного зодчества / К.М. Быковский // Труды I съезда русских зодчих в Санкт-Петербурге. – СПб., 1894. – С. 5.
2. Булыгин В. Гуслицкий Спасо-Преображенский монастырь г. Куровское / В. Булыгин // Дорога к храму. История церквей Орехово-Зуевского района. – Орехово-Зуево, 2001. – С. 40.
3. Воробьева И.А. Русские духовные миссии и императорское православное палестинское общество в Святой Земле в 1848–1917 г. г.: автореферат / И.А. Воробьева. – М., 1998. – С. 8.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. – Т. Репр. воспр. издания 1903–1909 / В.И. Даль. – М., 1994. – С. 19.
5. Исаченко В.Г. Зодчие Санкт-Петербурга XIX – нач. XX вв. / В.Г. Исаченко. – СПб., 1998. – С. 325.
6. Курбатов Г.Л. История Византии (Историография) / Г.Л. Курбатов. – Л., 1975. – С. 72.
7. Малиновский И.В. Императорское православное палестинское общество / И.В. Малиновский. – СПб., 1896. – С. 4.
8. Новая церковь во имя преподобного Сергия Радонежского чудотворца в Троицко-Сергиевой пустыни, близ Стрельны. – СПб., 1859. – С. 13.
9. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2-х т. – М., 1992. – Т. 2. – С. 1751.
10. Рывкин В. Архитектор А.М. Горностаев на Валааме / В. Рывкин // Север. – 1979. – № 9. – С. 103–105.
11. Странник Палестинский. Императорское православное палестинское общество. Б.г. б.м.

Литвинюк Л.К.

ХДАДМ, м. Харків, Україна

ВИКОРИСТАННЯ АБСТРАКТНОГО ЗОБРАЖЕННЯ У ЛОГОТИПІ ЯК ЕЛЕМЕНТУ ХУДОЖНЬО-ОБРАЗНОЇ ОСНОВИ СТИЛЮ ЗАКЛАДІВ МИСТЕЦТВА

З початком активного розвитку промисловості та збільшенням кількості аналогічних компаній в одному сегменті ринку виникла необхідність відокремлення товарів та послуг однієї фірми від іншої. Засобом який допоміг вирішити поставлені завдання став фірмовий стиль. Вперше якісно новий підхід до організації та створення єдності всіх візуальних форм однієї компанії був запропонований Петером Беренсом для компанії AEG. Особливістю запропонованого ним підходу була уніфікація та обмеження числа унікальних елементів. Відтіснивши творчий підхід до композиційного рішення, кольору та шрифту кожного наступного елементу, було створено «шаблон стилю» для нових носіїв. Та все ж для розробки високоякісних «деталей конструктора» необхідні не аби які навички та вміння, а ось користуватися вже створеними елементами можна вже маючи суто загальні та поверхові знання.

Наразі використання фірмового стилю не обмежується лише суто промисловими компаніями, він може бути розроблений і для некомерційних установ серед яких можна виділити заклади мистецького спрямування. Незважаючи на специфіку роботи подібних установ, так само як і в решті випадків одним з основних елементів фірмового стилю виступає логотип. Наразі їх можна умовно розділити на дві групи – шрифтові та комбіновані. Перші утворюються за допомогою використання засобів виразності шрифту, другі при поєднанні зображувального (художньо-графічного) елементу з шрифтом. Другі в свою чергу можна поділити на дві підгрупи – в основі лежить використання конкретних предметів, та використання абстрактних зображень для досягнення максимально-ви-

разного ефекту. Однією з переваг знаків, що будуються на основі абстрактних зображень, є збільшення інформативності порівняно з шрифтовим логотипом. З'являється можливість демонстрації особливостей закладу, або «візитної картки» установи на емоційно-інтуїтивному рівні.

Такі заклади мистецтва, як музей сучасного мистецтва (Лінц, Австрія) [1], художній музей Рейк'явіка (Рейк'явік, Ісландія) [2], Національний музей скульптури (Вал'ядолід, Іспанія) [3], Естонський художній музей (Таллін, Естонія) [4], Художній музей Ліллекхаммера (Ліллекхаммер, Норвегія) [5], музей витончених мистецтв (Гетеборг, Швеція) [6] та інші використовують абстрактні зображення у своїх логотипах. Її особливістю можна вважати домінування геометричних та геометризаних форм над рештою. Естонський художній музей (Таллін, Естонія) [4] має логотип, що складається з двох смислових частин. Зображення представляє собою елементи прямокутної форми, що розміщуються на площині утворюють квадрат. Елементи не поєднані між собою, і зменшуються за розміром при наближенні до центру квадрату. В цілому для його побудови використовується п'ять елементів, а отримана графічна форма асоціативно може нагадувати лабіринт. Кольорова гамма логотипу поліхромна, але обмежена п'ятьма кольорами окремим для кожної частини зображувального елемента. Текстовий блок набраний гротесковим шрифтом з наданням переваги прописним літерам. Логотип естонського художнього музею представляє собою асиметричну статичну композицію. Найбільший мистецький заклад в Ісландії Художній музей (Рейк'явік, Ісландія) [2] експонує твори сучасного мистецтва у всіх його проявах. Він має логотип що складається з двох смислових частин – шрифтового блоку та зображення, що складається з чотирьох вертикальних прямокутників під невеликим нахилом вліво. Над ними знаходяться по дві зменшені їх копії, по середині найменший та найтонша, зверху трохи більша. Він представляє собою симетричну статичну композицію. Шрифтовий блок складається з повної назви музею, що подається одразу двома мовами – англійською та ісландською. Назва кожною мовою розміщується на окремому рядку. Перший рядок на ісландській, другий – англійською. Двовірність та простота даного логотипу дозволяє виконувати його у будь-якій кольоровій гаммі, даному випадку логотип виконаний в одному кольорі – чорному.

Геометризоване зображення у логотипі використовує Музей витонченого мистецтва у Гетеборзі (Гетеборг, Швеція) [6] воно представляє собою сім стилізованих арки, що наближені до простих геометричних форм. Їх кількість та вигляд обумовлені тотожністю з архітектурою будівлі музею. Композиція логотипу музею статична і симетрична. Шрифтовий блок за технікою схожий на напис широко конечним пером, однак є наборною гарнітурою. Поєднання шрифтового блоку та зображення представляє собою і логотип художнього музею міста Ліллекхаммер (Ліллекхаммер, Норвегія) [5]. Симетрично-статична композиція логотипу базується на поєднанні малюнку та текстового блоку. Зображувальна частина – два елементи, асоціативний ряд, що вона створює може суттєво різнитися, так це може бути стилізованими лініями архітектурної споруди, в якій розміщується музей, чи розчерком латинської літери «L» зроблений широко конечним пером, тощо. Текстовий блок набраний прописними літерами шрифтом гротескового накреслення.

Наявність в логотипі абстрактного зображення дозволяє розширити «кордони» та варіативно-асоціативний ряд при перегляді знаку. Саме не конкретно стилізоване зображення дає змогу маркувати заклад мистецтва де є декілька різних напрямів роботи. Так само як і логотипи, що будуються на основі зображення конкретних предметів, даний варіант знаку не може існувати без шрифтового блоку, що відіграє інформативну функцію. В даному випадку текстова частина залишається додатковим елементом.

Список використаних джерел:

1. Веб-сайт музею сучасного мистецтва (Лінц, Австрія) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.lentos.at/de>
2. Веб-сайт Художнього музею Рейк'явіка (Рейк'явік, Ісландія) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.listasafnreykjavikur.is>
3. Веб-сайт Музею скульптури (Вал'ядолід, Іспанія) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://museoescultura.mcu.es>
4. Веб-сайт Естонського художнього музею (Таллін, Естонія) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.ekm.ee/et>
5. Веб-сайт Художнього музею Ліллекхаммера (Ліллекхаммер, Норвегія) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.lillehammerartmuseum.com>
6. Веб-сайт Музею витончених мистецтв (Гетеборг, Швеція) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.konstmuseum.goteborg.se>

К.и.н. Востриков А.В.

Поволжский государственный университет сервиса, Российская Федерация

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУР
НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ РОССИИ ВО ВСЕМИРНЫХ ВЫСТАВКАХ
В ПАРИЖЕ В XIX СТОЛЕТИИ**

Важную роль в демонстрации национальных достижений и общего развития культуры того или иного государства в XIX столетии стали выполнять выставки, в ходе которых посетители могли видеть, как по-разному устроен окружающий мир. Именно здесь наиболее полно реализовывался дух всемирного соперничества между государствами и происходила коммуникация культур. Всемирная выставка – это своеобразный инструмент, который используют правительства многих стран мира для диалога с общественностью, показа достижений национального искусства, органически связанного с культурой всей страны.

Всемирная выставка является уникальным явлением мировой культуры, играя роль катализаторов процесса межкультурного диалога, который стал осуществляться на практическом уровне, дав импульс культурному сотрудничеству многих стран. Выставка осуществляет ряд функций, свойственных культуре (гуманистическую, знаковую, символическую, адаптивную, регулятивную, познавательную, информационную, коммуникативную, эстетическую, гедонистическую) [2, с. 28]. В итоге, всемирная универсальная выставка предоставляет прекрасную возможность и для развития межкультурных коммуникаций, и для диалога культур.

Российская империя являлась традиционным участником всемирных универсальных выставок, которые проводились, в том числе и во Франции. Именно благодаря участию России на всемирных и международных выставках происходит утверждение русской нации, ее самостоятельности.

На выставках Российская империя XIX столетия представляла сильные архитектурные и экспозиционные проекты, которые помогали создавать архитектурные ансамбли выставок. Именно на всемирных выставках впервые произошло широкое знакомство мира с уникальной русской архитектурой, изобразительным и декоративно-прикладным искусством, что значительно способствовало укреплению престижа России за рубежом.

Например, на Парижской выставке 1878 года был представлен павильон России, который построил архитектор И.П. Ропет (Петров) (рис. 1). По замыслу автора павильон состоял из сложного конгломерата башен и башенок, крылец и галерей, которые были щедро украшены узорами. Главный павильон России был пестро раскрашенный по правилам «русского стиля». Основной объем представлял собой бревенчатый цветной дом с высокой кровлею с резным «князьком» и заостренным «кокошником». По сторонам центрального здания – целый маленький городок из разных построек: башни, крытые переходы, лестницы, разнообразные окна. Ничто не повторяется, но весь ансамбль в целом полон изящной красоты и стройности [3].

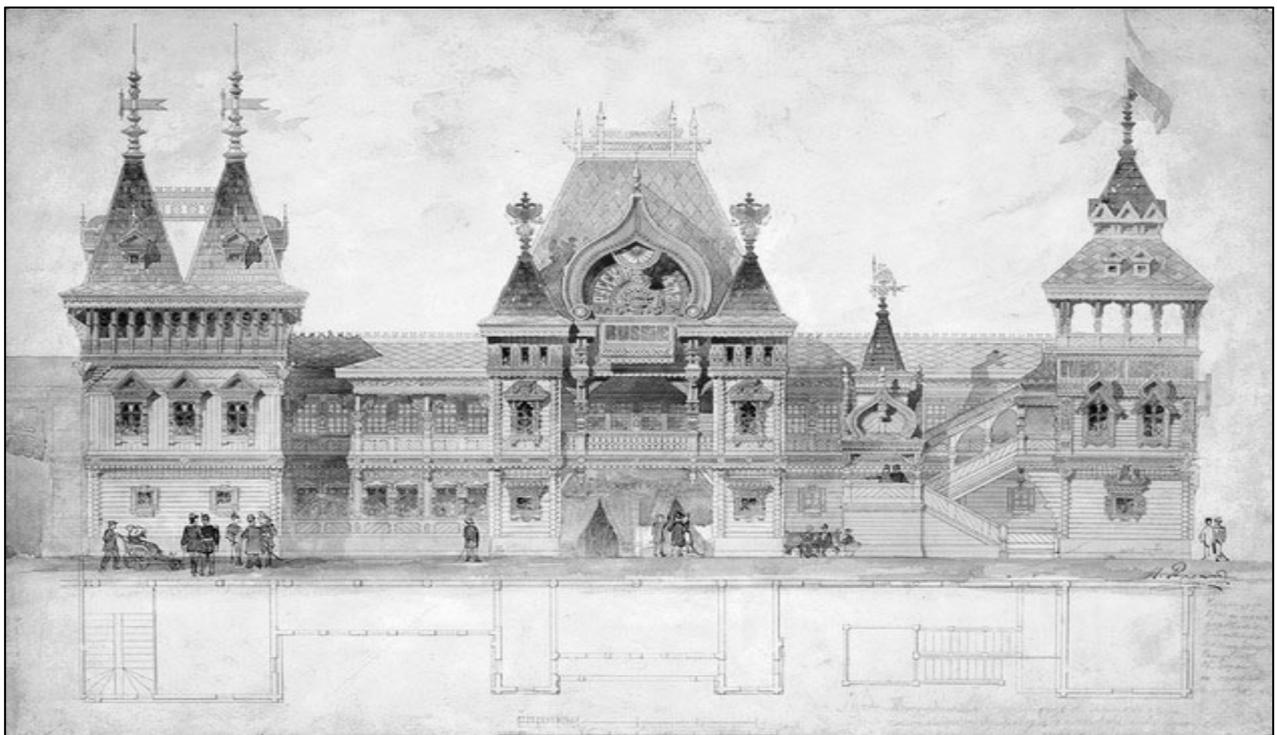

Рис. 1. Русский павильон на Парижской выставке 1878 года

На всемирной выставке в Париже этого же года Россия продемонстрировала настоящий технологический прорыв, в том числе лампу накаливания Павла Яблочкова. Европейцы восхищались ею вплоть до следующей выставки в Париже в 1889 году, где в садах и на мосту через Сену использовались лампы накаливания П. Яблочкова. На этой же выставке впервые были проведены различные конгрессы [1, с. 18], т.е. было положено развитие межпрофессионального диалога.

Во всемирной выставке в Париже 1889 года Россия не принимала официального участия. Однако русский отдел был все же частным образом представлен. Он занимал площадь в 3800 кв. м в большой галерее Дворца промышленности. Здесь выставили свои экспонаты 820 наших соотечественников. К сожалению, неофициальное участие России в выставке сказалось на качестве. Расходы по участию в выставке полностью легли на самих экспонентов. Тем не менее, 671 российский экспонент получил награды, т.е. более 80% от общего числа наград всемирной выставки [3].

Таким образом, участие России на всемирных выставках XIX столетия укрепляло торговые связи с иностранными партнерами, способствовало возникновению тесных культурных связей и совместных проектов. Именно на всемирных выставках каждая страна может показать свои культурные ценности и традиции, научно-технические разработки которые могут быть заимствованы другими (лампа накаливания Яблочкова во Франции). В итоге Россия прошла путь от номинального до полноценного участника, став одним из признанных лидеров мирового сообщества.

Список использованных источников:

1. Иноземцева И.Е. Всемирные универсальные выставки как явление культуры: автореф. дис. кандидата культурологии: 24.00.01 / И.Е. Иноземцева. – Челябинск, 2011. – 42 с.
2. Овсянников В.П. Культурология: учебник (учебное пособие) / В.П. Овсянников. – Тольятти: ПВГУС, 2007. – 195 с.
3. Международная общественная организация «Наука и техника», электронная библиотека «Наука и техника» [Электронный ресурс]. – М.: Роспатент, 2001. – Режим доступа: <http://www.n-t.ru/tp/it/pvppv.htm>

К.ист.н. Лепешкина Л.Ю.

Поволжский государственный университет сервиса, г. Тольятти,

Российская Федерация

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ КРАЕВЕДЕНИИ

В самом широком смысле историческое краеведение изучает природу, историю, хозяйство, население края, его культуру, быт, то есть данная наука тесно связана с историей и географией, археологией и искусствоведением, этнографией и другими областями социогуманитарного знания. Но в отличие от этих наук краеведение не только изучает, но и оценивает значительность событий, ценность памятников, красоту пейзажей, выявляет общее для страны и края, а также черты, присущие только ему. Важной особенностью краеведения является то, что это не только наука, но и деятельность: созидательная, направленная на сохранение природных и культурно-исторических богатств края, и популяризаторская, открывающая что-то совершенно новое, ценное широкой публике.

В этом определении выделяются два существенных момента: во-первых, всесторонность изучения края и, во-вторых, изучение, как правило, не профессионалами, а местным населением, для которого отдельная часть страны становится родной. Таким образом, краеведение – это целостное знание о родной местности. Оно объединяет в себе знания о природе, о культуре и культурных традициях, о промышленности; включает вопросы геологии, археологии, этнографии, экологии, лингвистики, архитектуры, искусствоведения и ряд иных. Причем все это изучается не отдельно одно от другого, а синтетически, комплексно и ретроспективно. Стержнем в таком изучении, несомненно, является история.

Краеведение как народное знание о своих родных местах зародилось в далеком прошлом. У всех народов мира во все времена были люди, хорошо знавшие окружающую их местность, ее природу, прошлое и современную жизнь. Мировая и отечественная история повседневности накопила значительный материал по быту и семейной обрядности народов России, в том числе поволжско-

го региона. Обряды и ритуалы жизненного цикла народов Поволжья с научной точки зрения стали изучаться в XVIII веке, хотя внимание к себе начали привлекать в XVI–XVII вв. Отрывочные сведения или только упоминания о них встречаются в трудах иностранных авторов (Сигизмунда фон Герберштейна, Энтони Дженкинсона и др.) [2; 4]. Среди них выделяется книга французского капитана Жака Маржерета «Состояние Российской империи и великого княжества Московии. С описанием того, что произошло там наиболее памятного и трагического при правлении четырех императоров, а именно, с 1590 года по сентябрь 1606» (впервые издана в Париже в 1607 году) [11]. В ней описывались народы, населявшие в тот исторический период Россию, а именно находившиеся под властью русских татары и другие магометанские нации. Помимо этого, Жак Маржерет уделял в своем труде внимание народам, не являвшимся ни христианами, ни магометанами и создавшими собственную мифологическую картину мира, в центре которой находились культы разных животных. К таким народам могут быть отнесены, например, чуваша, марийцы, удмурты, мордвина со своим особым мироощущением и восприятием действительности.

Достаточно скудные сведения о чувашах, татарах и других народах оставил подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин, отметивший в своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» особую роль этих народов в охоте на соболей. Этих зверей «бьют из луков и из пищалей, и иным обычаем ясачные люди, Татаровя и Чюваша и Вотяки и иные; а окроме тех людей ловити и бити никому не велено» [8, с. 77].

XVI–XVII вв. можно назвать периодом первых кратких упоминаний о народах России. Он охватывает очень большой временной отрезок и включает разнообразные источники (работы восточных авторов, русские летописи, труды западноевропейских дипломатов и путешественников), но их можно объединить, так как все сведения этого периода носят фрагментарный, поверхностный характер. Нередко материалы о народах России объединялись в общую главу, как это сделали, например, Георгий Тектандер фон дер Ябель в 1602–1604 гг. и Адам Олеарий в 1633, 1636 и 1639 гг. в своих подробных описаниях путе-

шествия в Московию и Персию [9; 12]. Это объясняется тем, что на данном этапе не появилось еще необходимости более подробного и конкретного изучения жизни народов России, а письменные источники представляли собой краткие очерки или летописи.

В XVIII веке начинается новый этап в изучении народов Поволжья. Определяющей вехой для этого направления явилась реформаторская деятельность Петра I. Для петровской России особенно актуальным было становление и развитие географических знаний в рамках освоения областей, приобретенных Россией в XVI–XVII вв., с целью всестороннего их изучения и содействия процветанию страны. Особенно выделялись достоверностью среди исследований повседневной культуры народов России работы шведских военнопленных, оставшихся в нашей стране после Полтавской битвы. Наибольшей известностью и популярностью пользовался труд пленного шведского офицера, проведенного в Сибири тринадцать лет, Ф.И. Страленберга «Гисторическое и географическое описание о древнем и новом состоянии Полуночно-восточной части Европы и Азии паче же Империи Российской которая из оных за полуночную часть признается» (издан в России в 1797 году) [3].

К 20–30-м гг. XVIII века в географических исследованиях начинают участвовать и русские специалисты. На начальном этапе исследований предполагался сбор фактического материала для создания карт, географических описаний различных регионов страны, учета этнического и конфессионального состава населения. Ценным вкладом в изучение российской семейной обрядности стали исследования В.Н. Татищева и Н.М. Карамзина. При описании истории Государства Российского они не оставили без внимания вопрос об обрядовой культуре поволжских народов. Анализ традиционной обрядности в России был осуществлен в исторических работах С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, М.Н. Покровского и др.

В 1777 году в связи с губернской реформой Сенатом был издан Указ о составлении топографических описаний всех губерний России, и уже в 80-е гг. такие описания были составлены по многим губерниям. Они содержали сведения о природе, историческом прошлом и современной хозяйственной деятельности населения.

Важную роль в становлении исторического краеведения в России сыграл М.В. Ломоносов. Он составил и разослал в разные регионы страны анкету с вопросами по экономике, географии, истории, культуре. На основе этих анкет М.В. Ломоносов издал труд «Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской Империи». Более того, в этот период отечественной истории появились исследования, посвященные обрядам и ритуалам народов Поволжья, Г.Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш, вотяков», П.С. Палласа «Петра Симона Палласа путешествие по разным провинциям Российского Государства», И.-Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», С.Г. Гмелина «Путешествие по России для исследования трех царств естества». Все вышеперечисленные исследователи подметили одну важную особенность обрядов народов Поволжья – общность и наполненность различными мифологическими символами.

Исследователь Г.Ф. Миллер, путешествуя по России в 1733–1743 гг., при описании обрядов и ритуалов жителей региона уделял внимание устройству места для жертвоприношений, которое располагалось за густыми лесами и до него было весьма сложно добраться [6]. Это упоминание говорит нам о стремлении черемис (марийцев), чувашей и вотяков (удмуртов) быть в духовном единении с природой, сохранить свои обряды скрытыми от посторонних глаз и никому не дать нарушить свой покой.

Особо следует отметить исследование П.С. Палласа. Посетив два раза Поволжье в 1773 и 1793 гг., Паллас описал динамику изменений в повседневной культуре народов региона.

Немецкого исследователя Иоганна-Готлиба Георги также привлекли обычаи и обряды народов Поволжья, а именно: поведение за обедом или ужином, процесс чествования новорожденного, сватовство, свадьба, похороны, жертвоприношение, восхваление богов. Кроме того, он осуществил первую классификацию праздников, разделив их на «кереметные» (или общие), к которым ученый отнес жертвоприношения, и на «семейственные», к которым он причислил родильные, свадебные и похоронные обряды [1].

В своем труде Иоганн-Готлиб Георги детально описывал чувашский обряд погребения. Мужчины и женщины провожали покойника на кладбище, где могила рылась с запада на восток и усопшего клали головой на запад. На могиле при зажженных свечах оставляли блин и кусок вареной курицы с фразой: «Это тебе пригодится!». Также на могилу родственники бросали худое одеяние усопшего, мылись и «подвеселяли себя пирушкой в той избе, из которой вынесли покойника» [1, с. 83].

Ценным источником по изучению обрядов жизненного цикла чувашского народа в XVIII веке является этнографический очерк «О чувашах», написанный сибирским землемером К.С. Мильковичем. Это описание считается первым, составленным местным человеком. Сам автор очерка относился к чувашам весьма уважительно: «Чуваши народ отменно благодарный и противу оказанных им благодеяний столько чувствительны, что не только противу благодетелей своих изъявляют безковарные знаки своего искреннего почитания и любви, но если б того их благодетеля и в живых более не было, а чрез долгое время после родственника его они увидят, то и ему всего, что чувствительность и нелицемерная благодарность требует, изъявляют» [7, с. 485]. В работе К.С. Мильковича содержатся более подробные сведения по сравнению с его предшественниками о языческой религии и похоронно-поминальных обрядах чувашей. Немало страниц в своем произведении исследователь посвятил обрядам кровавого жертвоприношения в честь умерших родственников. В частности, он отмечал, что особенно торжественно и с почтением приносили в жертву овцу на седьмой день по кончине человека [7, с. 492].

Историография традиционной культуры народов Поволжья в первой половине XIX века не отличается большим разнообразием. Среди работ того периода времени следует назвать исследование 1828 года протоиерея А.С. Протопопова «Краткое описание суеверий чуваш» [10]. В данном исследовании затрагиваются вопросы, связанные с религиозными верованиями и обрядами чувашского этноса, но вместе с тем оно по сравнению со сведениями К.С. Мильковича не привносит ничего нового в этнографию чувашей.

Во второй половине XIX века немаловажное значение в составлении картины обрядов жизненного цикла чувашей, казанских татар и татар-кряшен имеют работы зарубежных, русских, чувашских и татарских этнографов: В.А. Сбоева, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, Д. Месароша, Н.В. Никольского, С.М. Михайлова, А. Фукс, А.С. Иванова, Г.И. Комиссарова, Н.Ф. Катанова, М.А. Машанова. Много сделано для развития исторического краеведения в Поволжье Русским географическим обществом, основанном в 1845 году в Санкт-Петербурге по инициативе мореплавателя Ф.П. Литке и историка К.И. Арсеньева. Под руководством П.П. Семенова-Тян-Шанского были подготовлены многотомные издания: «Географо-статистический словарь Российской Империи» и «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества».

В XIX веке Губернские архивные комиссии занимались выявлением, сохранением, систематизацией, описанием исторических памятников, организацией музеев, изданием краеведческой литературы, пропагандой знаний о своем крае. По инициативе Московского археологического общества с 1869 года в различных городах проходили археологические съезды, в которых участвовали профессора, руководители архивов, местные краеведы-любители. Усилению интереса к краеведению способствовало и духовенство: издавались епархиальные ведомости, составлялись церковно-приходские летописи (например, «Известия по Казанской епархии», «Самарские Епархиальные Ведомости»).

На рубеже XIX–XX столетий получило распространение и само понятие «краеведение». До 1917 года был распространен термин «родиноведение». К 1917 году краеведение уже занимало значительное место в культурной и общественной жизни больших и малых городов.

После Февральской революции многие краеведы проявили большую самоотверженность в спасении, охране и использовании памятников истории и культуры (особенно имений, частных коллекций). А затем они активно включились в краеведческую деятельность послереволюционных лет: организацию музеев, архивов, библиотек.

Наиболее важным и интересным этапом развития исторического краеведения, получившим название «золотого десятилетия», стал период с 1917–1918 по 1929 гг. Краеведческое движение возглавляли тогда ведущие ученые страны: академик Д.Н. Анучин, этнограф и писатель В.К. Арсеньев, востоковед и лингвист Н.Я. Марр, создатель экскурсионного метода обучения истории И.М. Гревс, геохимик и минералог А.Е. Ферсман, археолог А.А. Спицын и другие. С 1917 по 1927 гг. число краеведческих учреждений и организаций увеличилось более чем в 10 раз: по неполным данным, со 155 до 1761 организации. Многие учреждения выпускали свои печатные издания [5, с. 5].

Основными задачами данных краеведческих организаций и учреждений были изучение родного края, сохранение памятников, защита природы, распространение знаний об Отечестве. Краеведы спасали от уничтожения бесценные шедевры древнерусской живописи и прикладного искусства, исторические раритеты, редчайшие книги и старинные документы, препятствовали разрушению археологических и уникальных природных объектов. В то время во главе краеведческого движения стоял выдающийся ученый академик С.Ф. Ольденбург.

После окончания гражданской войны стала очевидной необходимость координации деятельности краеведов. В стране проводились различные краеведческие конференции. К середине 1927 года их состоялось более 100. Было создано Центральное бюро краеведения, издавались краеведческие журналы.

Позднее, со второй половины 20-х гг. прошлого века, усилилось стремление к политической идеологизации работы краеведов. К руководству краеведением пришли люди, имевшие преимущественно опыт партийной или государственно-аппаратной работы. Историческое краеведение как «гробокopatельство» призывали ликвидировать. Началась травля краеведов в прессе, обвинения в организации заговоров, вредительстве. В то время, когда стремились все нивелировать, краеведы считали своим долгом выявлять своеобразие региона, предотвращали попытки унифицировать приемы хозяйствования без учета местных особенностей – природных и социальных. Массовое разрушение ста-

ринных, особенно церковных, зданий влекло за собой наказание тех, кто видел в них памятники культуры и истории, боролся за их сохранение. В результате то, что мы называем «37-м годом», для краеведения наступило еще в 1929–1930 гг.

К середине 30-х гг. XX века были ликвидированы оставшиеся краеведческие организации, закрыты региональные музеи. Многие краеведы были репрессированы.

В настоящее время стало очевидным, что разгром краеведения в 30-е гг. прошлого столетия нанес непоправимый урон исследованиям повседневной культуры России. На долгое время было забыто даже само слово «краеведение». Лишь некоторые самоотверженные ученые Поволжья, как Е.П. Бусыгин, Н.В. Зорин, Н.В. Лештаева и др., пытались в годы советской власти собрать и систематизировать сведения об обрядности народов региона. В частности, упомянутые нами специалисты в своих работах выявляют региональные особенности свадебных и погребально-поминальных традиций русских и показывают в них роль ритуальной символики.

Новый подъем в развитии исторического краеведения начался в середине 80-х гг. XX века. Руководство этим процессом взял на себя Советский фонд культуры, возглавляемый академиком Д.С. Лихачевым. На местах краеведческие начинания поддерживали отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), географического общества «Знание». Благодаря усилиям этих организаций созываются всесоюзные совещания, предпринимаются попытки объединить краеведов страны [5, с. 5]. Немаловажную роль в современных исследованиях культуры народов Поволжья играет Русское географическое общество. Мы, как его члены, видим воочию необходимость труда его деятелей, направленного на сохранение традиций жителей региона как историко-культурного наследия и объекта этнотуризма.

Всё вышеизложенное нами дает основание сделать вывод о том, что историческое краеведение – важнейший метод исследования региональной повседневной культуры, позволяющий глубоко проникнуть в суть этнических и социально-бытовых процессов в жизни людей, представителей различных эпох и

поколений. В результате его применения собирается по крупицам бесценный материал под названием «История родного края», а из этой «малой истории» складывается «большая история» страны и всего человечества.

Список использованных источников:

1. Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей / И.-Г. Георги; предисл. и прим. В.А. Дмитриева. – СПб.: Русская симфония, 2007. – 808 с.
2. Герберштейн С. Московия / С. Герберштейн; пер. А.И. Малеина, А.В. Назаренко; коммент. З. Ножниковой. – М.: АСТ; Астрель; Владимир: ВКТ, 2008. – 703 с.
3. Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и Восточная часть Европы и Азии: в 2 т. / под ред. М.П. Ирошниковой; сост. Е.А. Савельева, Ю.Н. Беспярых, В.Е. Возгрин. – М.; Л.: Академия наук, 1985. – Т. 1. – 220 с.
4. Известия англичан о России XVI в. Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – М.: Университетская тип., 1884. – Кн. 4. – С. 39–40.
5. Канатьева Н.С. Краеведение (часть I): курс лекций для студентов специальности «Социально-культурный сервис и туризм» факультета «Биология и природопользование» / Н.С. Канатьева. – Астрахань: АГТУ, 2002. – 96 с.
6. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное / Г.Ф. Миллер; сост. А.Б. Каменский. – М.: Наука, 1996. – 448 с.
7. Никольский Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа / Н.В. Никольский. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. – 526 с.
8. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. Издание археографической комиссии. – СПб., 1884. – 272 с.
9. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / А. Олеарий. – М.: Русич, 2003. – 482 с.
10. Протопопов А.С. Краткое описание суеверий чуваш, сочиненное в 1828 году Курмышского собора протоиереем Александром Протопоповым / А.С. Протопопов // Журнал Министерства внутренних дел. – 1843. – Кн. 36. – С. 395–419.
11. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета / сост. д.и.н. Ю.А. Лимонов; отв. ред. д.и.н. В.И. Буганов; пер. Т.И. Шаскольская, Н.В. Ревуненков. – М.: Институт истории РАН, 1982. – 254 с.
12. Текандер Г. Краткое и правдивое описание путешествия из Праги через Селезию, Польшу, Москву, Татарию к царскому двору в Персию в 1602–1604 гг. / Г. Текандер. – Прага: Типография «Политики», 1908. – 104 с.

К.филол.н. Дзюбенко А.И.

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

**TIME AND TENSE MODELLING
OF MODERN ENGLISH FEMALE FICTION**

The female fiction created by the women authors has always been remarkable for the elaborately worked out systems of the images (of protagonists' in particular), of the composition and plot lines, not to speak about its intricately developed and refined style. But what deserves some more profound study in present is the way the modern female fiction discourse transforms the traditional understanding of time modelling or mapping of the objective reality. The paradigm of time being the basis for the plot design undergoes some substantial changes.

The correlation of time and grammatical tense concepts in the discourse determines the set of linguistic means applied by the author. The concept of time is vital for the differentiation of the texts narrated in the first and third person singular. The whole discourse done in the first person singular is focused on the 'time experience or background' of the narrator. His time and space position is predetermined by the time-space system of the text in general [1, p. 13]. The linguistic proof of it is the functioning of the present, past and future tense forms in the discourses narrated in the first person singular. This is not the case with the third person singular narration: the events are described and are given account of as the ones that used to happen, thus, in such a narration past forms predominate.

Nowadays scholars suppose that it is possible to distinguish several types of time as the basic concept that organises the fictional structure of the discourse. Accord-

ding to them, the time concept realised in the fictional discourse is made up by three basic components, that are (a) objective time, (b) fictional time and (c) perceptual or emotional time. The real time concept belongs to the sphere of objective reality, perceptual one- to the sphere of the individual's perception and transforming of the objective reality. Thus, the basis of the real time is the existing reality, the ground for the perceptual time might be emotions [1, p. 17]. It is suggested to determine the fictional time as the special form of the world's cognition, the phenomenon that combines in itself the features of the objective, perceptual and individual time.

The fictional and perceptual types of time concept deserve some more detailed investigation when we have the objective of deciphering how strong the correlation of the components making up the general notion of time is. Our study in terms and approaches given above showed that the female story teller (in the third person singular narration) and the female protagonist herself (in the first person narration) pay much attention to the emotional life of theirs, but it is done within some sensible limits and social norms. The life of female protagonists in the fictional discourses of present is highly affective and is given mostly in the first person narration (for example, S. Kinsella's "Shopaholic" series, C. Ahern's "If You Could See Me Now", E. Gilbert's "Eat, Pray, Love"). However, there are texts narrated in the female third person singular, that are of great interest in terms of time description and grammar tense forms.

The application of the idea suggested by prof. Z.Y. Turaeva about fictional time and its correlation with the grammar verb tense forms found in the fictional discourse resulted in our coming to the conclusion that the texts marked by substantial emotional impulse and narrated in the first person singular have 26% of past forms, 42% of present forms and 32% of future tense forms. Meanwhile, the ones narrated in the third person singular fall into different groups. For instance, the proportion of the past verb forms is 51%, the present 28% and, finally, future forms are 21%. The estimation was done regardless the form of speech (narration, dialogue, non-represented speech)

with the application of continuous sampling method for the same number of fictional discourses having approximately the same wordage (C. Alliott, S. Kinsella, K. Swan).

This difference in the tense structuring of the English fiction discourse makes the idea of emotional stratification of the text more prominent. Thus, the ones done in the first person singular are focused on the affective present of the protagonists, they get the psychological support and strength to live in their present, in their routine that is transformed by them into some kind of source for the so called emotional charging (C. Ahern "A Married Man").

What concerns the texts in the third person singular, we came to the conclusion that in them the female lives here past life full of either misfortunes and tragedies or happiness over and over again, she is more concentrated on what she used to feel than on what she has in her affective sphere now. Her perceptual time is made of retrospective that draws the recollections and thoughts about past into her present and future. This complicates the style, composition and plot lines of the discourse a lot: "She looked out through wet eyes at the famous skyscrapers closing around her, the big sky folding down into smaller parcels of blue as the plane prepared to land. She might as well be landing on the moon as in Manhattan, and she felt a cold chill of panic surf through her as reality bit. Cassie had left her husband and her home, her past and her future. Her life was in Kelly's beautifully manicured hands now. She could only hope her friend had more idea of what to do with it that she had [2, p. 27].

As we can see in the modern female English discourse the fictional time makes the grammar tense dependent on itself, thanks to its perceptual component the emotive modelling of the events described by the female protagonists and narrators becomes multidimensional and prominent.

The list of references:

1. Тураева З.Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) / З.Я. Тураева. – М., 2009. – 216 с.
2. Swan K. Christmas at Tiffany's / K. Swan. – L.: PanBooks, 2011. – 582 p.

Иванникова С.Г.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,

Российская Федерация

ИЗМЕНЕНИЯ КАК КОНСТАНТА ЖИЗНИ

(о поэме С.Н. Сергеева-Ценского «Движения»)

Исследование выполнено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., соглашение № 14.132.21.1053, проект «Поэтико-философская реализация мотивно-образной структуры как основа прецедентности: Ф.М. Достоевский и С.Н. Сергеев-Ценский».

Творчество С.Н. Сергеева-Ценского пришло к читателю не сразу и не в полном объеме. Неоднократные переименования произведений, бесконечные купюры в текстах создавали впечатление фрагментарности, разобщенности, неполноты повествования; лишали возможности взглянуть на творчество писателя шире и глубже. Отсутствие в полном объеме переписки Сергеева-Ценского, дневниковых записей, черновиков затрудняло раскрытие одной из самых важных идей его творческого и жизненного пути: преобразование человека – преобразование России. В последние десятилетия появилось немало работ в области ценсковедения, рассматривающих творческое наследие писателя в контексте текстологии, генезиса и поэтики, теоретического аспекта функционирования художественного времени и многие другие аспекты.

С.Н. Сергеев-Ценский – художник, который раскрывается не каждому читателю. Он, как и Ф.М. Достоевский, заставляет размышлять, анализировать, замечать и подмечать. В большинстве случаев внешняя статика произведений скрывает глубинные пласты, находящиеся в непрерывном движении и взаимодействии друг с другом. На наш взгляд, именно по этой причине определение Сергеева-Ценского как «потаённого», о чем писала Л.Е. Хворова в работе «Потаённый Сергеев-Ценский. Неизданные письма 1910–1930-х годов», как нельзя лучше подходит ко всему контексту творчества писателя.

Поэма «Движения», созданная художником в 1909–1910-х годах, представляет собой некое единение различного рода движений, каждое из которых не-

посредственно или опосредованно, воздействует друг на друга, порождая взаимную обусловленность и связь. Центральным, сюжетообразующим стержнем является движение жизни главного героя, Антона Антоныча, вектор которого направлен от рождения к смерти. Основными событиями в жизни персонажа являются: его женитьба на Елене Ивановне, обустройство имения Тростянки, рождение трех сыновей, покупка нового имения Анненгоф, поджог соломы, суд и смерть главного героя. Каждое из означенных событий, приходя на смену друг другу, влечет за собой количественные и качественные изменения в жизни центрального персонажа поэмы.

Антон Антоныч при первом своем появлении на страницах произведения предстает человеком энергичным, деятельным, предприимчивым, олицетворяющим собой жизнь в непрерывном её движении. Он будто сам – движение: «Вот каков был Антон Антоныч: в поясе тонок, высок, сероглаз, чернобород с проседью, краснощек, моложав, красив; ходил широко и прямо; от роду имел пятьдесят семь лет. Как у всех, внезапно решающих любое дело людей, у него были порывистые движения, лихая откачка головы и громкий голос» [2]; «Ни одной точки не было ленивой, спокойной, усталой во всем его теле» [2]; «Никогда Антон Антоныч не пел, не играл ни на каком инструменте, не свистал даже в шутку, и все-таки какое-то певучее было у него тело. Точно духовой оркестр играл далеко где-то, сзади его, но на всякий звук в этом оркестре отзывался он: просто вырывались в него звуковые волны и пели» [2].

Некоторые исследователи творчества Сергеева-Ценского отмечали, что данный образ, созданный писателем, – образ предприимчивого дельца, который заботится лишь о том, сколько денег можно получить за ту или иную сделку: «Энергия Антона Антоныча поразительна. Но он жестокий эксплуататор. Бешеная энергия, развитая им для личного обогащения, способна вызвать лишь ненависть у окружающих его людей. В своей повести Сергеев-Ценский художественно исследовал тип накопителя и вынес ему – на примере далеко не худшего из них – свой недвусмысленный приговор» [1]. Позволим себе заметить,

что это не совсем так. Движение Антона Антоныча не только внешнее, физическое, но и скрытое от постороннего взгляда, рождающееся внутри и несущее в себе духовное начало: «Усталый от дороги, бессонницы и тесноты в вагонах, Антон Антоныч *пил что-то невиданное (курсив мой С.И.)*, что плавало над хлебами, *что давно уже не пил, с детства, и от чего у него блаженно и радостно, изжелта-розово мутнело в голове*, и вдруг, как марево, – сосны, на веки вечные крепко сработанные стены построек, смолистая, как похоронный ладан, тишина, и *неловкость*, – точно сделано было все хорошо и в высшей степени хорошо, удачно, но как-то неожиданно совсем не то» [2].

В Антоне Антоныче движется все: и тело, и душа, и мысли. Вспоминая о своих сыновьях, он с нежностью и отцовской гордостью замечает, что в каждом из них – Леше, Куке и Сесе – он продолжается: «... как-то *радостно было сознавать*, что он Антон Антоныч, поюнул и живет в нем, Леше» [2], «Но и в Куке он жил» [2], «Но и в третьем сыне, Сёзе, тоже жил Антон Антоныч» [2]. Он искренне относится к Веденяпину, «который что ни скажет слово – совет, но именно, должно быть, поэтому нескучный малый и невредный сосед» [2], даже не предполагая, что тот способен на подлость. Не смотря на хозяйскую хватку, герой отличается душевной простотой и детской наивностью, что подтверждается его способностью искренне удивляться и просто, без обиняков, делиться своими мыслями и планами с другими. На предложение Веденяпина застраховать солому, Антон Антоныч «смеялся и махал рукой»: «Да на черта мне ее страховать, когда я ее продам и уеду, и звание моего тут не останется, а?» [2]. Разговор о возможном поджоге приводит хозяина Тростянки в недоумение. Для него самое надежное страхование – это люди, которые, по его мнению, не способны на поджог: «– Га!.. Искра!.. А люди где же?» [2]. Даже после беседы с соседом-«страховщиком», предполагающим, (а подтекстно, фактически, *предлагающим*), различные способы поджога соломы, Антон Антоныч, ни о чем не подозревая, «и о Веденяпине думал весело, что он поедит так по помещикам и ни с того ни с сего получит от своего друга-агента сто-двести рублей...охотник, шельма! И о соломе думал по-родному, что хорошо все-таки, что он ее застраховал» [2].

Если обратиться к сфере естествознания, то жизнь Антона Антоныча до поджога можно сравнить с броуновским движением, сущность которого состоит в движении микроскопических, видимых, взвешенных в жидкости (или газе) частиц твёрдого вещества вызываемое тепловым движением частиц жидкости (или газа). Антон Антоныч (подобно броуновским частицам) живет и движется благодаря соприкосновению с теплом человеческой души. Как бы парадоксально это не звучало, но Антон Антоныч, пожалуй, единственный персонаж произведения, которого можно назвать по-настоящему одиноким. Именно поэтому ему так необходимо общение, которое зачастую приобретает иллюзорные формы. Он ждет понимания и сочувствия со стороны жены и не находит его: «Могучая шея была у Елены Ивановны, а около губ и глаз таилось презрение к нему – старинное, двадцатипятилетнее презрение, которого он ничем вытравить не мог.

К этому презрению он привык: просто такое было лицо, брезгливое ко всему, что он говорил и делал» [2].

Не находит он и общего языка с сыновьями, не желающими быть продолжателями дела отца. Однако, если до поджога Антон Антоныч старается прикрыть душевную неприятность, компенсируя ее недостаток активной деятельностью, то после становится по-детски беззащитным, надеясь на участие и поддержку близких и не получая ни того, ни другого: «Антон Антоныч поглядел на всех поочередно так пристально, точно видел всех в первый и последний раз, махнул, *как чужой*, рукою и ни слова уже не сказал больше – ушел к себе в спальню» [2].

Поджог застрахованной соломы душевно надломил главного героя. Однако не финансовые затруднения привели в конечном счете к трагическому исходу, а отсутствие понимания и поддержки со стороны людей. Думается, именно этим обусловлено желание Антона Антоныча постоянно передвигаться, путешествуя из города в город. Он будто старается найти человека, который ничего не знает ни о нем, ни о поджоге и предшествующих ему обстоятельствах; человека, с которым можно поговорить, не чувствуя на себе обвинительных взглядов: «Весь июнь и весь июль как-то упрямо и жадно из города в город ездил Антон Антоныч, и первый раз это случилось в его жизни, что ездил он без

всякого дела: просто вспоминал какой-нибудь город и брал туда билет...» [2], «Точно хотел уехать куда-то как можно дальше от своего тихого, лесного, хвойного Анненгофа...» [2], «Пробовал создать себе хотя какой-нибудь призрак дела Антон Антоныч, но странно – как-то не выходило» [2]. После обвинения в поджоге движение внутри самого героя остановилось. Теперь движение – лишь внешняя характеристика, указывающая на существование окружающего мира: «День за днем проходило время, жаркое, пыльное и совершенно ненужное. Плыли дни, как облака в небе, неизвестно откуда, куда и зачем, и все кругом были только люди – на улицах, на станциях, в гостиницах и вагонах, – тесно переплелся около человек: говорил, двигался, наскоро жевал, смотрел мельком, как оценщик в ломбарде, – сплошной человек, не глубокий, не отстоявшийся, не отдельный, а текучий, мутный, как река в половодье: чуть покажет глаза и уши, и уже нет его, и кто-то другой торчит на его месте» [2]. Броуновское движение сменяется чисто механическим, не предполагающим никакого «теплого» взаимодействия, которого так не хватает центральному персонажу поэмы: «И если прежде ясно ощущал Антон Антоныч, что он точно раздет перед всеми, то теперь он видел, как *вынимали из его души* все, что он любил в себе и чем был горд, и как топтали» [2].

Не находя приюта в настоящем, Антон Антоныч обращается к прошлому, пытаясь вновь обрести душевное равновесие и покой, как в детстве: «Иногда думал он, что хорошо бы проехать в Липяны, сходить на речку Вепрж, побродить в орешнике, и ничего, пусть бы кусались комары в орешнике, *как это было в детстве...* Может быть, остался в живых кто-нибудь из липянцев, кого он помнил...» [2]. Необходимо отметить, что мотивы детства, возвращения в детство, ощущения себя ребенком неоднократно появляются на страницах поэмы. И связаны они, прежде всего, с именем главного героя. Сначала Антон Антоныч видит некое продолжение себя в подрастающих сыновьях, но смотрит на них глазами взрослого человека, имеющего определенный жизненный опыт. После суда и обвинительного решения зрелость и опыт будто растворяются в детской беззащитности: «Три недели тюрьмы легли на нем тяжело... Первые дни он

ничего не ел, не спал, только метался по камере до красных кругов в глазах, потом ложился, но скоро вставал и начинал кружить снова. Осунулся. Поседел. Начал дергаться вдруг – вздрагивать всем телом. Почему-то глотать стало трудно. И свободе *он был как-то по-детски рад* и все торопил Елену Ивановну с отъездом в Анненгоф» [2]; «Поднялся и вошел к нему Антон Антоныч, и с какой-то *странной мальчишеской робостью* он смотрел на доктора, и взгляд у него стал, *как у ребят, – упорный и острый*. Захватил, точно зачерпнул его сразу всего глазами» [2]; «Что же это за болезнь такая есть, доктор? – спросил Антон Антоныч *вкрадчиво, как ласковый мальчик*» [2]; «...но боится не он – боится Антон Антоныч. Это не боязнь, может быть, – это только близость боязни, что-то беспричинное, что бывало с ним только *в детстве...*» [2]; «Как так? – ошеломленный, *по-детски туманенными глазами* обведя кругом зал, спросил Антон Антоныч и услышал, как сзади его Елена Ивановна заплакала вдруг навзрыд, крепко и самозабвенно, как плачут старые деревенские бабы» [2].

По-другому начинает смотреть Антон Антоныч на окружающих его людей, которых, как казалось, он должен был знать как самого себя. Что-то чужое, не свое замечает он в сыновьях: «Сёзя был *новый...* Появилась *новая улыбка*, уже не девичья, безразличная ко всему, а такая, какая бывает у людей поверивших, полюбивших, нашедших: улыбка себе на уме, несколько снисходительная к другим, чуть-чуть лукавая, сытая и ленивая. И глаза как-то сузились, точно глядеть на все кругом стало уже незачем, если было одно, на что глядеть» [2]; «Никогда не щурил глаз Антон Антоныч, – смотрел ли на солнце, на небо, на яркую воду, на искристый снег, не щурил глаз – это было *чужое* в Леше, и тонкая слабая кисть руки была у него – недолговечная и *тоже чужая*» [2]; «Близко нагнулся к лицу Куки Антон Антоныч, присмотрелся. Пахло от него какими-то нежными женскими духами, острижен был сзади под машинку, спереди аккуратно причесан косым пробором, воротничок у него был, казалось бы, совсем неудобный: высокий, жесткий; на тужурке ни пятнышка, ни пылинки... *прежде не было этого*» [2]. Иными кажутся Антону Антонычу и старик Тифенталь, и Подчекаев, и адвокат Беневоленский, и даже сама Елена Ивановна: «Он [Антон

Антон[ыч] никому не сказал бы того, *что боится и Тифенталя и его песни*, но это видно по его приподнятой голове и широким глазам... На лице его [Тифенталя] скачет косоглазая радостная улыбка. На рояле горит свеча, пламя свечи мечется, свиваясь синим рогом, и синие отблески глубоко западают в морщины, а скулы, нос с горбинкой в середине и широко расплюснутый в конце, и седина волос, и костяшки лба – желтые. Синее и желтое, и прыгает косоглазая улыбка, и все слова, которые нечисто льются из полубеззубого рта, *о нем*»[2] – «И потом все время *подозрительно следил* за Подчекаевым, – как он говорит, как ходит по комнатам, поскрипывая сапогами, как кладет руки на стол, сидит, отвалившись правым боком, и глядит сырыми глазами в набухших веках – все было противно» [2] – «Он думал, что вот рассмеется Беневоленский и скажет, как прежде «Чепуха какая!» – но тот смотрел на него серьезно, сухо и как будто даже подозрительно и говорил *свое новое*: – Эх, Антон Антоныч! И у Елены Ивановны, сидевшей рядом с ним до его прихода был *почему-то неприкрыто* растерянный, встрепанный вид» [2]. В разговорах с домашними Антон Антоныч замечает другие интонации, каких не замечалось прежде: « – Ну, папа! – опять по-прежнему, только еще более *просительно и нежно, как говорят с больными*, неверно улыбаясь, сказал Кука» [2].

Даже Великий праздник Пасхи кажется другим, не таким семейно-патриархальным и живым, объединяющим в любви и вере: «И Пасха была странная: не звонили в колокола, – церковь была далеко, <...> – не катали яиц, не пели и не осыпали девки и парни лесных опушек красными маками кумачных рубах и платьев, как это было в Тростянке» [2].

Непрекращающееся движение, в ритме которого жил ранее Антон Антоныч, теперь проходит мимо. Оно присутствует в жизни других людей: «Как сложены были кубами на высоком бугре серые гранитные глыбы – будущий цоколь фабрики, – так и лежат грузно и важно, *но Антона Антоныча тут нет*» [2]; «Гатер лесопильни переставляют повыше, чтобы не затопило разливом, и идет в лесу *веселая рабочая суета*: пыхтят лошади, кричат люди, – *но Антона Антоныча здесь нет*» [2]. Главного героя, пожалуй, можно сравнить с пассажиром,

которого внезапно сняли с поезда, мчавшегося на полном ходу. Теперь он стоит на перроне и видит, как мимо проплывают вагоны с другими, чужими судьбами, оставляя его одного: «На мгновение застыл он на месте, и мимо него, уплывая, проплыл Веденяпин... И когда проплыл уже, опомнившись, Антон Антоныч сорвался с места и побежал. Кричал сквозь зубы «А-а», – стонал бежал, хватаясь ногами за уплывающую платформу, – уплывала платформа» [2].

Душевное затишье, покинутость главного героя проецируются и на физическое состояние, являясь некими катализаторами, приведшими к смертельной болезни – раку пищевода. Процессы, происходящие в организме Антона Антоныча, являются по сути тоже движением; но движением не вперед, а стремящимся к нулю: «Он и по комнатам дома ходил уже медленно, осторожно выдвигая и неуверенно ставя ноги. Серые глаза впали, сухо блестели, стали большими и тонкими, обозначились скулы острыми маслаками, втянулись щеки; здесь и там – одна, другая, третья – высыпали четкие, как дороги зимой, морщины; и сгорбленный, непонимающий, притихший, глядя на свои желтые, высохшие длиннополые руки, удивленно говорил Антон Антоныч:

- Как... Иван Грозный!..А?..Как...хвощ!» [2]; «Во всем этом он доверчиво искал прежнего себя, такого недавнего себя – Антона Антоныча, того, кто работал, который мог спать в седле, на лошади, который, когда шагал по земле, – земля гудела...» [2].

Развивая идею движения, как организующего начала в поэме, нельзя не сказать о пейзаже, который, на наш взгляд, является не просто фоном, но одним из главных элементов, помогающих развитию сюжета произведения. Пейзаж у С.Н. Сергеева-Ценского тоже движется. Сначала он движется вместе с главным героем, Антоном Антонычем: «Когда подъезжал Антон Антоныч к Тростянке, день был ласковый, небо близкое, теплое, земля золотистая, горячая от спелых хлебов...» [2]; «Сразу за крыльцом было темно, и в темноте этой сверху лениво теплились звезды, снизу – лениво же вспыхивал и потухал вечерний собачий перелай: перелаивались собаки усадьбы с деревенскими собаками; должно быть, передавали друг другу вздорные, мелкие, глупые житейские новости,

скопившиеся за день» [2]. Приведенные примеры являются средством раскрытия внутреннего состояния героя, светлого и умиротворенного, как бы преломленного в пейзаже и спроецированного через пейзаж.

Иным предстает пейзаж после поджога: «*Тишина. Октябрь. Анненгоф. Беззвучно* падали иглы с елей и сосен, устилали землю мягко, *как церковь коврами*. В синих парных туманах таяли колонны стволов. *Небу зажгли зеленые свечи* сосны, ели – на земле, и вверх и вниз *курили смолою*» [2]; «Как немой среди немых вдруг стал жить Антон Антоныч, и пропитанная хвойной смолою *тишина* была везде перед ним, слева и справа и сзади него» [2]. Тишина и беззвучность октября не просто ожидание приближающейся зимы, но еще и пустота, постепенно разъедающая душу главного героя, останавливающая внутреннее движение. Антон Антоныч словно занимает выжидающую позицию. И природа ждет вместе с ним решения суда: «Тишина – ноябрь. Тишина – декабрь. Снег начал падать и падал крупными хлопьями уверенно и спокойно. В лесу стало глубоко, светло и чисто» [2]; «Деревья в инее... Спокойная, холодная, чистая красота земная. Солнце в тонком дыму. От солнца сочится к деревьям свет притушено-красный. На укутанной дороге гладкие следы от полозьев блестят, как медные обручи. Звуки влажны» [2]. Необходимо обратить внимание на то, что практически на протяжении всего повествования, пейзаж ассонирует с героем. Изменения, происходящие в природе, являются, если можно так сказать, продолжением душевных движений Антона Антоныча: «Пахло чем-то весенним в воздухе, и от этого всюду подымалось живое беспокойство: пели пестухи, кудахтали куры, телились коровы, мокли и кисли дороги, голубело небо, расчирикались воробьи, у ребят распахнулись кацавейки, заалели щеки и совсем отсырели носы <...> Во все он [Антон Антоныч] вмешивался, все его занимало чрезвычайно, только о суде как-то совсем не думалось. От тепла и солнца было весело и звонко в теле» [2]. Движения в природе и в душе центрального персонажа являются направленными в одну сторону – сторону обновления, ожидания чего-то нового, доброго, светлого; того, что, чаще всего, может быть ожидаемо именно весной. Если выразиться языком музыки, состоя-

ние это также можно охарактеризовать как крещендо – постепенное нарастание громкости звука, а в нашем случае, еще и постепенное приращение энергии, приводящее к более интенсивному движению, как в царстве природы, так и в человеческой душе.

Картину тихой и умиротворенной последней ночи жизни на земле рисует Сергеев-Ценский в финале поэмы: «Снаружи эта ночь была месячная, светлая без конца, снежно-синяя и вся тихая насквозь, от земли под снегом до неба под звездами, и, должно быть, какими-то неведомыми путями эта светлая тишина и вошла в комнату, где умирал Антон Антоныч» [2]. Позволим себе предположить, что создается впечатление некоей вселенской скорби глубокой и задушевной, преломленной в истории жизни и смерти одного человека перед лицом вечности. Именно об этом, еще будучи живым, говорит Антон Антоныч своей жене: « – То не волк выдумал и не вол сказал, а все добрые люди: не те черви важны, что мы их зьем, а те важны, что нас самих будут исты... то уж верно!» [2].

Понятие «движение» является в данном произведении понятием многоплановым и многоуровневым. Это и движение, течение самой жизни главного героя и окружающих его людей; пересечение их жизненных линий. Это и (более узко) проявление физической активности. Но самое главное, пожалуй, это движения человеческой души – сострадание, любовь, нежность, милосердие, без которых невозможно представить существование означенных выше проявлений движения. Движением наполнен и пейзаж произведения, выполняющий психологическую функцию. Природа у Сергеева-Ценского является центром, аккумулирующим и концентрирующим душевные переживания и волнения главного героя.

Однако надо сказать, что проблематика поэмы «Движения» С.Н. Сергеева-Ценского, намного шире и глубже, нежели просто история жизни главного персонажа. Антон Антоныч просто один «из». «Движения» – произведение о жизни вообще, о жизни с философской точки зрения, которая в большинстве своем не долго думает, выбирая. Человека и землю, по Ценскому, связывают лишь легкие паутинки-жизни, каждая из которых, пока жив человек, обладает своей неповторимой структурой, красотой и грацией. Но все они становятся одинако-

вами, когда подходит к концу земной путь человека: «В огромную какую-то даль уходя, – ушла вся тягота земной жизни. Только как будто легкие паутинные нити оставляло после себя одно, и другое, и третье, и прежде никак нельзя было смешать одного с другим, и в том, чтобы не смешивать, заключалась вся работа жизни, а теперь протянулись от всего одинаковые, все легкие, все тонкие паутинки, и различать уже было нельзя» [2].

Список использованных источников:

1. Козлов В. Творческий путь Сергеева-Ценского / В. Козлов, Ф. Путнин // С.Н. Сергеев-Ценский. Собрание сочинений в 12-ти томах. – М.: Правда; Библиотека «Огонек», 1967. – Т. 1. – 598 с.
2. Сергеев-Ценский С.Н. Собрание сочинений в 12-ти томах / С.Н. Сергеев-Ценский. – М.: Правда; Библиотека «Огонек», 1967. – Т. 2. – 462 с.

К.філол.н. Логвінов І.І.

Чернівецький національний університет імені Ю. Федьковича, Україна

АРАБСЬКЕ ЧИ ФРАНЦУЗЬКЕ ПЕРО ФРАНКОМОВНОЇ МАГРИБСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ?

Питання постало із самого початку і не даремно. Хіба письменник арабо-мусульманського походження (М. Фераун, Маммері, Каір-Еддін) не повинен писати мовою своїх пращурів? Багато запеклих націоналістів звинувачували франкофонних письменників, особливо у колоніальні часи та період незалежності, у зраді, що полягала у написанні творів мовою іноземця, більше того, гнобителя. Існує багато причин даного феномену. Насамперед, становлення більшості франкомовних магрибських письменників відбувалось у колоніальний період. Їм, які отримали освіту французькою мовою, писати рідною класичною арабською було майже неможливо через її значну відмінність від розмовної, якою вони володіли. Деякі з них, як, наприклад, Буджедра, знайшов вихід, подаючи свої твори обома мовами. А такі, як, скажімо, М. Гаддад повністю *francisé*, все життя шкодували, що нездатні творити арабською. Інші ж, як К. Ясін, М. Каір-Еддін, проголосили про свою вірність мові колонізатора: „Писати французькою – це вільний

вибір. Я розглядаю мову як робочий інструмент і засіб використання” [5, с. 116]. Однак, такий вибір дається непросто: не існує легкого білінгвізму, особливо, якщо дві мови протистоять одна одній в нерівних умовах колоніалізму. Бажання метрополії насадити французьку мову призвело до обернено пропорційного результату. Очікуваним наслідком повинно було бути розповсюдження заступницьких настроїв серед автохтонного населення колоніального режиму. Але саме завдяки французькій мові інтелігенція визначилась у своєму ставленні до колонізації, свого місця у політичному і культурному світі. „Французька мова відіграла роль „мови-містка”, що дозволив світу, ще у колоніальну епоху, незважаючи на існуючий стереотип про варварство аборигенів, дізнатися правду не про дикунство Алжиру, але про самотність алжирської культури та про існування тут цивілізації” [1, с. 141].

Проблема вибору мови, якою творили національну літературу північно-африканські франкомовні письменники, була надзвичайно гострою, повною протиріччя і сум’яття. Віддати перевагу мові колонізатора могло означати повну культурну асиміляцію магрибців, приналежність французькій культурі. Власне, досягнення тих цілей, які й переслідувала політика колоніалізму: побудувати непроникний бар’єр між колонізованими і їх національним походженням, традиціями, обґрунтувати меншовартість автохтонних культур, щоб згодом нівелювати їх і „розчинити” у „домінантній” європейській культурі. Проголошення такої настанови викликало спочатку негативну реакцію тих представників літературних кіл, хто змушений був в умовах колоніалізму оволодівати мовою іншої культури для ствердження власної. М. Гаддад вважав, що: „Ми пишемо французькою, але не по-французьки” [2, с. 184]. Однак А. Меммі [4, р. 140], дослідивши та проаналізувавши виниклу мовну ситуацію, усвідомлює увесь її драматизм: „Користуючись лише однією своєю мовою, колонізований стає чужим у своїй власній країні, де панує колонізатор. У колоніальному контексті білінгвізм необхідний. Це передумова будь-якої комунікації, будь-якої культури і прогресу” [3, с. 28]. При цьому колоніальний білінгвізм, рятуючи колонізованого від самоізоляції, небезпечний своєю катастрофою, оскільки не лише мови знаходяться в постійному протиборстві, але й світогляди – чужий і свій.

Звідси й психологічне відчуття роздвоєності, драматизм самовідчуття письменника, який є втіленням усіх протиріч, усіх комплексів колонізованого, що опинився у глухому куті. Він змушений писати для тих, хто його поневолив, тому його твори переповнює смуток і страждання, через нав'язану йому диглосію. Ці ж роздуми пронизують і всю творчість А. Джебар, особливо показовим у цьому сенсі є її „Алжирський квартет”. Більше того, письменниця віднаходить свій власний метод боротьби з мовою колонізатора, вкрапляючи у канву твору велику кількість арабізмів, вплітаючи образи з берберських казок, арабських міфів. Таке підкреслене захоплення фольклором, звернення до своєї історії, культури та традиції було викликане ростом національної самосвідомості, реакцією на тривалий період насильницької європеїзації.

Зауважимо, що процес асиміляції не був повним, оскільки область розповсюдження французької культури була не дуже значною у порівнянні з великою кількістю населення у Магрибі. Тому автохтонні традиції, національна культура не були зруйновані політикою колонізації. Хоча звичайно, франкофонний вплив був значним, і як наслідок відбулося нашарування культур, яке помітне в творчості і сучасних магрибських письменників. Почуття власної гідності, усвідомлення себе спадкоємцями багатих культурних традицій своїх народів і відчуття своєї культури поряд з іншими світовими культурами, почуття „кровного і духовного братерства” з демократичним людством – ці якості завжди вирізняли франкомовних письменників Магрибу.

Пошуки ідентичності у сучасній франкомовній магрибській літературі не розглядаються лише на прикладі окремого індивідуума. Здається, що письменники все частіше цікавляться *колективною пам'яттю* для віднайдення в ній коренів спільної ідентичності, до зникнення якої призвела колонізація. Мова йде не лише про погляд на історію як на місце політичної або націоналістичної ворожнечі, що є характерною рисою минулого століття, але й про доколоніальні часи. Питання мови, таким чином, залишається для письменників-франкофонів життєво важливим (особливо в Магрибі, де історія залишила глибокі сліди, і де автохтонна культура виявляється найбагатшою і найбільш вкоріненою, ніж деінде), зобов'язуючи кожну особистість вирішувати проблему власної ідентичності.

Список використаних джерел:

1. Демкина О.Н. Литература Алжира (История национальных литератур стран Магриба в трех книгах: Алжир, Марокко, Тунис) / О.Н. Демкина, С.В. Прожогина. – М.: Наука; Восточная литература, 1993. – 335 с.
2. Никифорова И.Д. Африканский роман. Генезис и проблемы типологии / И.Д. Никифорова. – М.: Наука, 1977. – 236 с.
3. Прожогина С.В. От Сахары до Сены: Литературное пространство франкоязычных магрибинцев в XX веке / С.В. Прожогина. – М.: Восточ. л-ра РАН, 2001. – 486 с.
4. Memmi Albert. Portrait du colonisé, suivi du portrait du colonisateur / Albert Memmi. – Paris: Gallimard, 1985. – 146 p.
5. Noiray Jacques. Littératures francophones: Le Mahreb. – Berlin, 1996. – 190 p.

Українська та російська мови

К.филол.н. Дриняева О.А., Чернышова И.В.

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,

Российская Федерация

СЛОВОТВОРЧЕСТВО ДЕТЕЙ

В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Словообразовательная деятельность активно проходит у дошкольников и младших школьников. Неотъемлемой частью словообразовательного процесса является восприятие значения данного ребенку в речи производного слова, освоить которое он может, только овладев его содержанием и способом образования. Поэтому процесс овладения словообразованием родного языка в онтогенезе представляет собой двухплановый процесс, выражающийся, с одной стороны, в собственно номинативной словообразовательной деятельности ребенка и, с другой, – в деятельности по освоению готовых производных слов родного языка, их значений и способов словообразования.

Исследования А.М. Шахнарвича и Н.Ю. Юрьевой уточнили оптимальные сроки детского словотворчества: по их мнению, пик словообразовательной активности приходит на возраст от трех до семи лет. Усваивая из речи взрослых

разные словообразовательные модели, дети произвольно обобщают их, превращая в сверхмодели. По ним они создают свои производные слова, отсутствующие в нормативных словарях.

Сложность словообразовательной системы нашего языка заключается в следующем: существует значительное число синонимичных, параллельных словообразовательных моделей, причем выбор одной из них в большинстве случаев определяется традицией. Почему тот, кто продает, именуется *продавец*, а тот, кто покупает, вовсе не *покупец*, а *покупатель*? Все мы помним разговор из книги К.И. Чуковского «От двух до пяти»: «Давай играть: ты будешь покупатель, а я *продаватель*». – «Не *продаватель*, а продавец». – «Ну и ладно, давай ты будешь продавец, а я *покупец*».

Безусловно, все факты языкового творчества детей относятся к неузуальным, т.е. ненормативным. По мнению ученых-онтолингвистов, их следует именовать окказиональными.

При создании окказионализма его автор нарушает те ограничения, которые накладывает языковая система. Детские инновации появляются в результате речевого новаторства и рассчитаны на употребление в конкретной речевой ситуации или контексте.

Использование узуальных слов обычно фиксируется словарями (толковыми, орфографическими и др.), окказиональные слова не претендуют на распространение и закрепление в общем употреблении и соответственно кодификацию в словарях и справочниках.

Подобное различие между узуальными и окказиональными лексемами не позволяет детские новообразования называть неологизмами. Неологизмы – это новые слова, которые создаются для обозначения нового предмета или понятия по законам данного языка. Они со временем теряют новизну, легко воспроизводятся носителями языка и фиксируются словарями. Неологизмы – это факты языка.

По подсчетам Харченко В.К. и Озеровой Е.Г., существует более тридцати обозначений окказионализмов: слова-беззаконники, слова-экспромты, слова-самоделки, слова-однодневки, индивидуально-авторские слова, индивидуализмы

и т.д. Выделяют их особые признаки: принадлежность к речи, невоспроизводимость, производность, ненормативность, экспрессивность и т.д. Создание окказионального слова является по существу созданием номинативной единицы, но вторичного плана.

Перечисленные признаки и особенности окказионализмов позволяют отнести детские инновации к подобным лексическим единицам, т.к. явления детского словотворчества – это «слова-самоделки и беззаконники». Они появляются в речи отдельного ребенка, обладают словообразовательной производностью, образностью и окказиональной номинативностью.

Многие языковедческие изыскания посвящены выяснению механизмов словообразования и словоизменения детских окказионализмов. Ни одно новое слово ребенка нельзя считать абсолютно оригинальными: в его лексиконе обязательно есть образец, по которому эти лингвистические единицы построены. В таких случаях действует языковой закон аналогии, т.е. почти все детские новообразования сконструированы по тем моделям, какие активно действуют в современном русском языке и разговорной речи.

Е.А. Земская в своей книге «Словообразование как деятельность» анализирует основные способы образования новых слов в двух аспектах, учитывая дихотомию «язык и речь» и рассматривает словообразование в плане синхронии и диахронии. Причем, изучаются способы-модели, по которым появляются производные лексемы, характерные для каждой знаменательной части речи.

В узуальном словообразовании русского языка представлены семь так называемых несмешанных способов словообразования: суффиксальный, префиксальный, постфиксальный, сложение основ, сращение, аббревиация. Большинство из названных способов продуктивны для детских окказионализмов, принадлежащих к различным частям речи. Однако С.Н. Цейтлин подчеркивает одну особенность детского конструирования новых слов: усвоив ту или иную словообразовательную модель, ребенок «запускает ее в действие, не зная исключений». Поэтому сконструированное ребенком слово по продуктивно действующим в языке законам словообразования попадает в продуцированной детской речи в разряд неузуальных инноваций.

При образовании окказионализмов ребенок пользуется всем арсеналом словообразовательных моделей, существующих в современном русском языке, а именно: аффиксальными и безаффиксными, чистыми и смешанными.

Например, процесс суффиксации является одним из самых распространенных в области словообразования языка и речи.

Сравните: *коровята как лисята; лечитель как учитель; грушиный как гусиный; змеючий как колючий; вставлять как вдавливать; игрануть как прыгнуть.*

Чтобы запомнить лакуны в своем языке, ребенок также использует при образовании новых лексем префиксацию (*позалезла, повышний, подземля*);

- префиксально-суффиксальный способ (*беспенальный, пограничка*);
- сложение слов (*фантикопад, зубопад*);
- сращение лексем (*вездеходный автомобиль*).

Одним из первых производных существительных в языке ребенка появляются уменьшительно-ласкательные. Они содержат ярко выраженное эмоциональное значение и относятся к разделу субъективно-оценочных. Значение уменьшительности предполагает четкое представление ребенка о реально маленьких предметах: *щененок, зайushка, цветущечка, ракушата.*

На появление производных слов с уменьшительно-ласкательным значением влияет речь взрослых, окружающих ребенка, и прежде всего, матери. В речи матерей, обращенной к маленьким детям, содержится гораздо больше уменьшительно-ласкательных существительных, чем в речи, обращенной к взрослым людям.

Так на вопрос: как вы ласково называете свою маму, дети отвечают: *мама – мамочка, мамонька, мамуленька, мамушечка, любименькая, приласкулечка, цветущечка, хорошуленька, ангелочек, роднулечка, милушечка, красотулька, цветик-многоцветик, развеселушка, дарюшенька и т.д.*

Давая собственное наименование явлению, ребенок опирается на те признаки, которые кажутся ему наиболее существенными. При этом устанавливаются связи с действием, предметом, признаком; соответственно детская инновация оказывается словообразовательно соотносенной с глаголом, существительным, прилагательным.

Ориентация на действие как на источник наименования особенно заметна в детском возрасте, поэтому число отглагольных образований значительно («*После урокания можно будет поиграть*»; «*К нырьбе приготовиться*»).

Как тонко подметил К.И. Чуковский, в таких образованиях «нет ни единого слова, которое не было бы связано с движением, с динамикой. Всюду выдвинута на первое место действенная функция предмета». Эта модель отглагольного образования остается продуктивной до семилетнего возраста.

От глаголов дети образуют другие глаголы, имена прилагательные, используя при этом как суффиксацию, так и префиксацию, а иногда смешивая эти словообразовательные процессы в одной модели.

Смешанные способы глагольного словообразования представлены в онтогенезе разными моделями: префиксально-суффиксальной (*рушить-разрушивать, хотеть-захачивать, чертить-начерчивать*), префиксально-постфиксальной (*дружить-раздружиться, рисовать-зарисоваться, сунуть-засунуться*), префиксально-суффиксально-постфиксальной (*лаять-перелаяваться, кушать-перекушиваться, спать-обоспаться*).

Имена прилагательные, хоть и появляются в детской речи намного позже, чем субстантивные и глагольные лексемы, но они также могут иметь глагольные производящие основы. Особенной продуктивностью обладает суффикс *-тельн*: («*Это рисовательная бумага*»; «*Этот принц такой целовательный*»).

Глаголы в свою очередь могут образовываться от адъективов и субстантивов (*фениться, гитарить, обтрухлявиться*). Префиксально-суффиксальная модель характерна для именного словообразования («*Беспанный-живущий без отца*»).

Таким образом, рассматривая феномен детского словотворчества в плане современного словообразования, возможно заметить, что дети дошкольного и младшего школьного возраста создают собственные инновации по продуктивным деривационным моделям, не учитывая тех исключений и ограничений, присущих для действующих в языковой системе словообразовательных законов.

К.п.н. Дьякова Т.А.

*ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», Российская Федерация*

ОБЛАСТЬ ГРАФИЧЕСКИХ НАПИСАНИЙ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ОБУЧЕНИЮ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Так как русское письмо по своей природе является фонематическим, то есть буквы – минимальные зрительно воспринимаемые единицы письменной речи – соотносятся с фонемами, то оно реализуется посредством установления соотношения между фонетическими единицами слова и их буквенными эквивалентами. Отношения между устной и письменной речью находятся в ведении таких разделов лингвистики как графика и орфография. Несоответствия, объясняющиеся самой системой письма, академик Л.В. Щерба обозначил термином *графика*.

Графика как раздел языкознания занимается изучением соотношений между звуковой стороной языка и совокупностью начертательных средств письма. Взаимоотношения фонем и графем в русской системе письма регулируются действием основных принципов графики. Фонематический принцип определяет, что буквы в русской графике обозначают фонемы. Позиционный принцип определяет фонемное соответствие букв в слове с учетом их окружения, особенности обозначения твердости-мягкости согласных и фонемы [j]. Этот принцип называется также слоговым, так как в качестве единицы чтения и письма выступает не буква, а слог, то есть сочетание согласной/согласных и гласной букв.

Традиционно к графике принято относить слова, имеющие однозначные звуко-буквенные отношения: слова, звуки которых находятся в сильных звуковых позициях (*дом, дым*); двусложные слова, в которых в безударном (предударном) слоге находится звук [y] (*пруды, дуга, труба и т.д.*); слова с безударным звуком [ы] в абсолютном конце слова (*косы, горы и т.п.*).

При обучении иностранных студентов русскому языку границы области графики претерпевают изменения. Это связано с тем, что раздела орфографии – как области специального внимания – в учебных программах нет. Учащиеся запоминают написания всего лексического минимума безотносительно правил и исключений из них. Однако это не значит, что написания всех типов следует отнести к графике. Считаем целесообразным разграничить графические и орфографические написания на основе сопоставления произношения и буквенного обозначения, то есть при фонологической оценке звукового состава языковой единицы. Первые (графические) свяжем с обозначением звуков в сильных позициях, вторые (орфографические) – с выбором букв на месте звуков в слабых позициях.

С учетом вышесказанного остановимся подробнее на разграничении графических и орфографических написаний.

Так, написания *ча-ща, чу-щу, чк, чн, чт, щн, щр* традиционно относятся к орфографическим, несмотря на то, что они подчиняются фонематическому принципу графики и не допускают вариативности. Фонемы <ч'> и <щ'> (<ш'>) не имеют противопоставления по твердости-мягкости, поэтому на письме им не требуется обозначение мягкости (соответственно буквами *я, ю, ъ*).

Вслед за Л.С. Сильченковой считаем, что случаи написания букв, которые обозначают фонемы, непарные по признаку твердости-мягкости следует отнести к графике. «Например, в словах типа ЧАЩА, ЦЕЦЕ, ЩИ, – пишет исследователь, – каждая согласная буква имеет однозначное соответствие, прочтение слов подобного рода не требует проводить позиционный анализ, чтобы выявить фонемное содержание буквы» [1, с. 48–49].

Несмотря на то, что в написаниях *жи-ши, же-ше, це*, нет абсолютного звуко-буквенного соответствия (*[жы], [шы], [жэ], [шэ], [цэ]* – *жи, ши, же, ше, це*) к орфографическим написаниям их также отнести нельзя, так как обязательным компонентом орфографического действия является проверка орфограммы. А.Н. Гвоздев обозначает их как «исторически сложившиеся отступления от силлабического принципа» русской графики [2, с. 39].

Итак, написания слов с сочетаниями *ча, ща, чу, шу, чк, чн, чт, щн, шр, жи, ши, же, ше, це, ще* противоречат закономерностям позиционного принципа, и поэтому, по нашему мнению, являются условно графическими.

Пересмотр состава графических написаний влечет за собой возникновение новой классификации графических ошибок:

1. Графические ошибки слухо-артикуляционной категории, связанные с нарушениями фонематического восприятия и чистоты звукопроизношения (пропуск, замена, нарушение последовательности, написание лишних букв).

2. Ошибки зрительно-двигательной категории, связанные с несформированностью аналитического восприятия буквенных знаков и неумении дифференцировать буквенные знаки по графическим признакам: форме, величине, количеству и пространственному положению составляющих элементов (замена в букве элементов, отличающихся по форме, нарушение размера элемента и элементов в букве, нарушение количества элементов в букве (уменьшение или увеличение их числа).

3. Условно-графические ошибки, связанные с нарушением правил написания слов и предложений, с неувоенностью традиционных написаний.

Таким образом, считаем необходимым пересмотреть границы области графики, в первую очередь, применительно к обучению русскому языку иностранных студентов и ввести расширенное представление о графических написаниях, включающих в себя традиционные написания, как отступления от принципов графики, а не область ведения орфографии; и одновременно с этим сузить понимание области орфографических написаний, к которым остались отнесенными только случаи, подчиняющиеся фонематическому, морфологическому, фонемному, дифференцирующему, грамматическому, этимологическому принципам.

Список использованных источников:

1. Сильченкова Л.С. Обучение русской грамоте: традиции и новации: монография / Л.С. Сильченкова. – М.: АПК и ППРО, 2006. – 100 с.
2. Гвоздев А.Н. Избранные работы по орфографии и фонетике / А.Н. Гвоздев. – М.: Академия Педагогических Наук РСФСР, 1963. – 284 с.

Гнездилова Н.С.

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Российская Федерация*

**РЕАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА КАМНЯ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ)**

*Дискурс – это
одновременно и процесс языковой деятельности,
и ее результат – а результат и есть текст
Карасик В.И.*

Образ *камня* – один из интереснейших концептов европейской и мировой культуры. Со времен первобытного общества камень играл важную, незаменимую роль в жизни человека – из него строились жилища, изготавливались орудия труда, идолы; камень использовался как лекарственное средство. Скалы, горы, камни маленькие и большие, гигантские, рождённые природой с разной формой, производили на людей сильное впечатление. Как писал Марчин Заборский «Przez wieki tworzone legendy o kamieniach „spadlych z nieba”, (...) ktore mialy wyjasniac pochodzenie Bycia. Widziano w nich wyjatkowy lacznik miedzy niebem a ziemia.» Это ещё раз даёт нам право говорить о важном символическом значении *камня* в культурной памяти человечества. В древнем мире камень был орудием кары. В христианской культуре камень стал символом мученичества святых, особенно первого мученика святого Степана.

Всё вышеперечисленное объясняет научный интерес к данному образу и к его воплощению в современных публицистических текстах.

В статье рассматривается образ *камня* на примере публицистических текстов польской газеты Rzeczpospolita.

Термин дискурс стал так невероятно популярным после выхода в свет книги Ю. Хабермаса «Этика дискурса». Хабермас использовал данный термин

для обозначения вербальной коммуникации, предполагающей рациональное и критическое рассмотрение ценностей, стандартов и принципов современной жизни для достижения взаимного понимания.

Для лингвистов на сегодняшний день не существует единого определения для термина «дискурс», вероятно потому, что этим понятием пользуются многие гуманитарные и социоориентированные науки.

Одним из определений или переводов этого термина является «разговор, беседа», что отражает сложную, динамическую природу общения.

Философ М. Фуко понимает дискурс как то, что характеризует стиль или манеру изложения, зависящую от определённой идеологии. Используемый в данном значении термин, как правило, сопровождается определением (например, «политический дискурс», «медиа-дискурс»). Вслед за М.И. Степановой назовём самые часто встречающиеся определения понятия «дискурс»: 1) дискурс – это язык в его использовании (Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983); 2) единица языка в её использовании, приобретающая значение в контексте для участников и воспринимаемая как имеющая определённую цель, значимая и связанная (Cook G. *Discours*. Oxford: Oxford University Press, 1989); 3) связанная устная или письменная речь, возникающая на уровнях больше, чем уровень предложения (Asher R.E. *The encyclopedia of language and linguistics. Discours*. Pergamon Press, 1994); 4) коммуникативная ситуация, включающая сознания коммуникатов (партнёров общения) и создающийся в процессе общения текст (Кибирик А.Е. *Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания*. М.: Изд-во МГУ, 1992); 5) речевое произведение, которое рассматривается во всей полноте своего выражения (вербального и невербального, паралингвистического) и устремления с учётом всех экстралингвистических факторов (социальных, культурных, психологических), существующих для успешного речевого взаимодействия (Караулов Ю.Н. *Что же такое «языковая личность»?* // *Этническое и языковое само-*

сознание. М., 1995); б) речь, погружённая в жизнь (Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь // БЭС. М., 1992).

Из корпуса польского языка было выбрано более 350 контекстов прессы 2000-х годов, в основном мы обращались к статьям газеты «Жечьпосполита». Ниже приведём выбранные контексты и дадим комментарий к ним: 1) *Dowiedziałem się od mieszkańców Klimontowa, że tu był cmentarz żydowski, że czołgi radzieckie zniszczyły wszystko. Pokazuję mu zdjęcie z lat pięćdziesiątych. Choć cmentarz był już wtedy zdewastowany, to jednak wyraźnie widać grupki **kamieni** nagrobnych (надгробных камней). Twierdzi, że to niemożliwe, że zdjęcie wcześniejsze (Rzeczpospolita, №10.27, 2001) (Узнал от жителей Климонтова, что тут было еврейское кладбище, но советские военные всё уничтожили. Показываю ему фотографию пятидесятих годов. Хотя тогда кладбище уже было уничтожено, однако хорошо видны группки надгробных камней. Он говорит, что это невозможно, что фото сделано раньше).* Слово камень используется рядом с прилагательным *надгробных*, что воссоздаёт образ *кладбища* в сознании читателей. Словосочетание *надгробные камни* имеет важное символическое и историческое значение в данном контексте: надгробные камни – напоминание о бывшем еврейском кладбище, о еврейской культуре. Этот образ, запечатленный на фотографии, напоминает о еврейском народе, его судьбе как в Польше, так и в мире, и о том, какое место это всё занимает в мировой культуре. Данный образ повторяется в тексте прямым называнием и словосочетанием *надгробных камней*. 2) *Policja zezwoliła oranżystom na powrót do domów przez dzielnicę katolicką. Oburzeni mieszkańcy Ardoyne wyładowali gniew na obrońcach prawa i porządku. W czasie 7-godzinnych zamieszek rannych zostało ponad 100 policjantów. Z tłumu sywał się na nich grad kamieni (град камней), butelek z benzyną i płyty chodnikowych. Zaczęły płonąć samochody (Rzeczpospolita, №07.14, 2001) ((...) Из толпы сыпался на них град камней, бутылок с бензином и панельные диски...). Град камней – метафора, служащая для передачи ощущения количества обрушившихся камней;*

языковая метафора, помогающая автору передать атмосферу ситуации читателям. 3) *Cągle nie odczytuję tego kamienia filozoficznego (философского камня), który by nam dawał prawo do zadania śmierci drugiej osobie. Rozumiem, że powinna nim być autonomia – wolność decydowania o sobie, bo to jest istota godności człowieka. Mam wątpliwości, czy takie uzasadnienie może być akceptowane w odniesieniu do tego rodzaju (Rzeczpospolita, 02.03, 2001) (Всё ещё не вижу такого философского камня, который давал бы нам право убить другого человека...).* Здесь философский камень – метафора «пятого элемента»; того, что позволило бы расширить рамки действий человека. 4) *wizyty Władimira Putina w Polsce na połowę stycznia przyszłego roku – powiedział "Rz" Stanisław Ciosek, były ambasador Polski w Moskwie, doradca prezydenta Aleksandra Kwaśniewskiego do spraw międzynarodowych. – Wizyta prezydenta zmobilizuje cały aparat państwowy do likwidowania wszelkich zaległości. Jest nadzieja, że różne "skamieniałe" problemy (окаменелые проблемы), wprowadzie niewielkie, ale istniejące od lat, będą rozwiązane albo przynajmniej zostanie określony sposób ich rozwiązania. W stosunkach Polska – Rosja będziemy więc mieli teraz do czynienia z okresem ogromnego ożywienia na szczeblach wykonawczych (Rzeczpospolita, №08.25, 2001) (Визит президента (Владимира Путина) мобилизует весь государственный аппарат для ликвидации старых проблем. Есть надежда, что различные «окаменевшие проблемы», на деле небольшие, но существующие много лет, будут решены или наметится способ их решения...).* Тут «окаменевшие» проблемы – метафорический образ древности, времени, долготы и неразрешённости проблем. Такое определение «окаменевшие» в полной мере даёт читателю понимание сложившейся ситуации её возможного разрешения. 5) *Kiedy jednak przekonał się, że jego wyniki są za słabe, by znaleźć się w reprezentacji, porzucił sport i zainteresował się filmem. Były to jeszcze czasy kina niemego, gdy na ekranach królowali Charlie Chaplin i Rudolf Valentino. Chłopak z kamienną twarzą (с каменным лицом) nie nadawał się do takich filmów. Dopiero w połączeniu obrazu z fonią Cooper mógł pokazać swoje*

możliwości; do dziś trwają spory, czy był dobrym aktorem, bo tego, że był gwiazdą, nie można już tu odmówić (...Парень с каменным лицом не подходил для таких фильмов...). Каменное лицо – неподвижное, безэмоциональное лицо. Лицо как камень. 6) *Talent jest ważny, ale bez ciężkiej pracy nic nie osiągniesz. Coś o tym wiem, bo mając 15 lat rzuciłem szkołę i postawiłem na sport. O mistrzach krążą legendy. O panu też. Ponoć po jednym z turniejów, zakończonym porażką, z kamienną twarzą (с каменным лицом) pogratulował pan zwycięzcy, a później zdemolował hotelowy pokój. Ile w tym prawdy? Jak zwykle w takich sytuacjach niewiele. Bywało, że kiedy już byłem sam, rzuciłem raketką czy kopnąłem w stół. Musiałem odreagować, a podczas meczu nie wyradało (...после одного из турниров, закончившегося поражением, с каменным лицом вы поздравили победителей...).* Тут также встречается устойчивое выражение с каменным лицом. В этом контексте каменное лицо – лицо внешне спокойного, собранного человека, лицо, по которому, на котором не видно внутренне напряжение. В этих двух контекстах устойчивое словосочетание *каменное лицо* – лицо, не выражающее эмоций; либо лицо, на котором застыла, запечатлелась только одна эмоция. 7) *Na skraju miasteczka, na tle sylwety kościoła, wciąż widnieje kamienny obelisk (каменный обелиск) z napisem: "Miejsce kaźni ludności żydowskiej. Gestapo i żandarmeria hitlerowska spaliły żywcem 1600 osób". Lecz już wiadomo, że tylko pierwsza połowa napisu odpowiada historycznej prawdzie.* Каменный обелиск – символ древний и очень важный в различных культурах. В некоторых этот символ актуален по сей день. Один из древнейших египетских культурных и религиозных символов – каменный обелиск. Этот символ должен был олицетворять силу света, присущую богу Ра был связан с культом солнца. В настоящее время трудно сказать, был ли обелиск сначала фаллическим символом плодородия, или же символизировал ось Вселенной. Из этого погружения в контексты польской газеты «Жечпосполита» мы видим, что образ *камня* используется для разных целей, но в основном для передачи читательской аудитории ярких и динамичных образов, которые создают картину целостности, и понятны читателю.

Бессонова М.В., к.филол.н. Каслова А.А.

Уральский гуманитарный институт, г. Екатеринбург,

Российская Федерация

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА
ПОЛИТИКА ПОСРЕДСТВОМ АФОРИСТИКИ**

Виртуозное владение речью являлось и является важной составной частью успеха политических деятелей. Ораторское искусство, начиная с Древней Греции, считалось неотъемлемым качеством вождей, героев и лидеров. Для нашего исследования представляют несомненный интерес данные социологического опроса, проведенного в США накануне президентских выборов. Большинство респондентов оценили способность политика к устной коммуникации на 83%, что гораздо выше, чем оценка их деловых качеств, внутренней дисциплины и организаторских способностей кандидатов в президенты [2]. Таким образом, мы видим, что речевой портрет, возникающий в сознании слушателей, является определяющим для составления суждения о каком-либо политическом деятеле.

В условиях, когда каждое слово, произнесенное публично, приобретает повышенную значимость, афоризмы являются для политика орудием, которое дает возможность представителю политического мира завуалировано влиять на общество, регулировать народные симпатии и расположения либо его отчуждение.

В данной статье речевой портрет понимается «как образ, который формируется у слушающего о говорящем в момент речи. Речь в данном случае оценивается не только с нормативной точки зрения, но и этически, и эстетически. При этом в сознании слушающего проявляется свой индивидуальный речевой образ, который рисуется с учетом стереотипных представлений самого слушающего» [3]. По нашему мнению, одной из ключевых позиций, репрезентирующих образ политика, является наличие концептуальных метафор, фразеоло-

гизмов и афоризмов в его речи, т.к. подобные явления выявляют самоидентификацию политического лидера, его симпатии и пристрастия, ценностные характеристики, представления о базовых сферах общественной жизни, а также политической деятельности и событийности.

Афоризм нами рассматривается как фразеологическая единица, представляющая собой сжатое высказывание, для которого характерны краткость, лаконичность, ясность, доступность, зачастую императивный характер, глубокий смысл, а также специфические черты отражения национальной ментальности, культуры, традиций и личностных особенностей его создателя. «Афоризм как индивидуально-авторский текст обладает способностью аккумулировать экстралингвистическую информацию и отражать мировоззрение автора» [1].

Афористика Маргарет Тэтчер манифестирует ее языковую личность, с одной стороны, как индивидуума, обладающего набором определенных качеств, с другой стороны, как политического деятеля, имеющего свою позицию в отношении политических событий и систем. В связи с этим, весь массив афористических высказываний Железной Леди условно можно разделить на несколько групп: (1) гендерные различия; (2) роль политика в жизни своей страны; (3) роль политика на мировой арене; (4) международные проблемы и угрозы (терроризм, экстремизм, война и т.д.).

Тематика данной статьи обуславливает необходимость подробного рассмотрения первой группы афоризмов, а именно, фразеологических единиц, представляющих политическую индивидуальность М. Тэтчер через призму гендерной принадлежности и гендерных аппозиций.

Поскольку М. Тэтчер была первой из женщин Великобритании, которая добилась столь высокого положения в политической иерархии, ей необходимо было постоянно доказывать свою состоятельность как политика упорным трудом, проявлением неординарных профессиональных качеств и талантов. Ср.:

I don't think there will be a woman Prime Minister in my life time. No woman in my time will be prime minister or chancellor or foreign secretary – not the top jobs.

Anyway, I wouldn't want to be prime minister; you have to give yourself 100 percent. I don't know anyone who has got to the top without hard work. That is the recipe. It will not always get you to the top, but should get you pretty near.

Политическое поприще считается исконно мужским видом деятельности, и женщине-политику зачастую приходится нелегко. Однако, М. Тэтчер успешно позиционирует себя как действительно стоящего политика, противопоставляя представителям сильного пола. Ср.:

If you want something said, ask a man. If you want something done, ask a woman. Any woman who understands the problems of running a home will be nearer to understanding the problems of running a country. Being powerful is like being a lady. If you have to tell people you are, you aren't. It may be the cock that crows, but it is the hunt hat that lays the eggs. The woman's mission is not to enhance the masculine spirit, but to express the feminine; hers is not to preserve a man-made world, but to create a human world by the fusion of the feminine element in to all of its activities. I've got a woman's ability to stick to a job and get on with it when every one else walks off and leave sit.

Прямыми репрезентантами гендера рассматриваемого нами политического деятеля являются словоупотребления типа *man, woman, lady, masculine, feminine, man-made*. М. Тэтчер не просто номинирует гендерные отличия представителей разных полов, но и неизменно противопоставляет их. В результате такой контрастности нами были выявлены следующие антонимические оппозиции: *to ask – to do; to get on with a job – to leave a job; to be powerful – not to be powerful; to turn – not to turn; to crow – to lay eggs, to enhance – to express*. При сопоставлении роли мужчин и женщин в политике Премьер-министр Великобритании отдает явное предпочтение последним, в связи с их трудолюбием, силой характера, умением доводить дело до конца и способностью выполнять такую работу, за которую представители сильного пола взяться не способны.

Непростой задачей в плане позиционирования себя как достойного игрока в мужской сфере деятельности было профессиональное самоутверждение М. Тэтчер

на фоне такого яркого предшественника как У. Черчилль. И для нее особенно важной была победа в войне за контроль над Фолклендскими островами (1982), которая была воспринята как новое свидетельство мощи Британии как военно-морской державы и способствовала росту патриотизма в стране и усилению позиций действующего правительства. В своих выступлениях, М. Тэтчер, намеренно преувеличивает вклад обычных жителей в победу, намекая, тем самым, на то, что именно она смогла объединить народ. Для ее политической карьеры триумфальный имидж был просто необходим. Это способствовало созданию образа воина-победителя. Ср.:

...everyone realized that his contribution was essential for the success of the whole. All were equally valuable – each was differently qualified. I took the demands of war for every stop to be pulled out and every man and woman to do their best.

Нет сомнений, что речь произносит успешный политик, чувствующий за спиной поддержку своего народа. В результате чего происходит подсознательное перенесение маскулинных качеств воина-победителя на женщину-политика М. Тэтчер.

Через призму афористических высказываний М. Тэтчер представляла себя как непримиримого борца, любителя дебатов отвергающего консенсусы и компромиссы. Основным средством создания подобного имиджа становится милитарная концептуальная метафорика. Ср.:

I fight on, I fight to win. I will go on criticizing Socialism. Defeat – I do not recognize the meaning of the word! I prefer such principles to be accompanied by steel along with good intentions. I always cheer up immensely if an attack is particularly wounding because I think, well, if they attack one personally, it means they have not a single political argument left. I love argument, I love debate. I don't expect anyone just to sit there and agree with me, that's not their job. I never hugged him, I bombed him. And when you fight – fight to win. The fight back begins now! There are still people in my party who believe in consensus politics. I regard them as Quislings, as traitors... There really is no alternative. To me, consensus seems to be the process of abandoning all beliefs, principles, values and policies. So it is something in which no one believes and to which no one objects.

Избрание военной сферы в качестве универсального источника для концептуализации образа политического деятеля является традиционным, что, в первую очередь, связано с богатой военной историей человечества, во многом способствовавшей формированию милитаризованного сознания.

В монографии, посвященной исследованию политического дискурса, Е.И. Шейгал объясняет фактор «милитаризованности» политического дискурса существенной агональностью его объекта отражения, т.к. сутью политики является борьба за власть [4].

Выступления М. Тэтчер зачастую носят агрессивный, жесткий, антагонистический характер, т.к. направлены на критику, умаление достоинств политических оппонентов и представлены в ее афористике широким спектром метафор. Наиболее распространенными являются концепты *fight*, *defeat*, *attack*, *bomb* и т.д. В данном случае высказывания М. Тэтчер – это своеобразный метод визуализации политической борьбы и готовности защищать свои убеждения.

Рассмотренные нами афористические контексты позволяют выявить базовые индивидуальные характеристики речевого портрета политика. Маргарет Тэтчер саморепрезентирует себя с разных позиций. Неизменными остаются смыслы, связанные с профессиональными качествами (талант, ум, трудолюбие, бесстрашие, жесткость и даже агрессивность), а также гендерные (фемининные) характеристики, в контексте постоянного противопоставления с представителями мужского пола, находящимися у власти.

Список использованных источников:

1. Верещагин Е.М. Язык и культура: монография / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1308 с.
2. Галумов Э. Теория коммуникаций – базовая основа PR- технологий / Э. Галумов // Основы PR. – М.: Летопись XXI, 2004. – 146 с.
3. Еремина С.А. Речевой портрет депутата Евгения Ройзмана / С.А. Еремина // Политическая лингвистика. – 2005. – № 1. – С. 1–6.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: монография / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 328 с.

Буйских К.Ю., к.филол.н. Каслова А.А.

Уральский гуманитарный институт, г. Екатеринбург, Российская Федерация

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРЫ С ИСХОДНОЙ ПОНЯТИЙНОЙ СФЕРОЙ «СПОРТ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

В современной лингвистике процессы метафоризации рассматриваются как особый способ отражения и фиксации содержательной информации, полученной в ходе предметно-познавательной деятельности людей, выявляющий оценочно-интерпретационные признаки концептуализированных объектов действительности. Исследования такого рода процессов в нашей стране и за рубежом позволяют констатировать существование универсальных метафор, возникающих в разных языках. По утверждению В.Г. Гака, сходство образов в метафорических переносах проявляется в том, что «разные языки, независимо друг от друга, прибегают к одинаковым метафорическим переносам» [1]. Подобная общность мышления, свойственная представителям англо-американской и российской лингвокультур, выявляет конвенциональную природу метафорических образов в СМИ и обуславливает существование базисных метафорических моделей, представляющих собой универсальный способ концептуализации окружающей действительности.

Концептуальная метафора широко представлена в публицистических текстах, что обусловлено, в первую очередь, ее способностью отвечать основным требованиям, предъявляемым к языку прессы. Газетная публицистика «разоблачает» позитивные и негативные тенденции современности, а, следовательно, для нее свойственны оценочность, эмоциональность, максимальное количество информации при минимальном объеме текста, единство стандарта и экспрессии, образность, точность. Публицистический жанр остается едва ли не самым динамичным и восприимчивым ко всем языковым «новшествам»; обладая своей спецификой, выражает общеязыковые тенденции (Е.А. Земская, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик и др.). Метафоры, в свою очередь, «служат катализаторами языковых изменений...» [2]. Концептуальная метафора отображает, каким

образом общество в данный период времени представляет ситуацию в стране, что, безусловно, свидетельствует о ее социальном или, если точнее выразиться, социально-обостренном характере.

В ходе исследования концептуальных метафор с исходной понятийной сферой «Спорт» нами были выявлены наиболее продуктивные сферы метафорической экспансии. Так, спортивная метафорика активно применяется для репрезентации спортивных состязаний. Иными словами, один вид спорта может манифестироваться через метафорические номинации другого вида спорта, зачастую не связанного с ним.

Рассмотрим особенности некоторых метафорических словоупотреблений в англоязычных СМИ.

They refused to lunge in and when Wigan prepared to take a corner, Sinclair even managed to waste time – and spark a melee – by claiming an injury the hosts clearly did not feel existed.

Метафорическая структура *to lunge in* в данном контексте служит для номинации и характеристики событий, происходящих на футбольном поле. В соответствии со словарным значением *to lunge in* является спортивным термином из сферы бокса. Исходная семантика рассматриваемой нами единицы позволяет говорить о том, что данная лексема имплицитно представляет накал борьбы, происходящий на поле, актуализируя смыслы «опасности», «внезапности», «агрессивности», свойственной боксерским состязаниям.

McCourt, slalomed his way past five St Mirren challenges on his way into the box before rifling an unstoppable angled-shot past Paul Gallacher from 18 yards.

Номинация *to slalom* имеет следующее значение: *a race for people on skis or in canoes down a curving course marked by flags*. Данная метафора была перенесена в сферу футбола из сферы горнолыжного спорта. В традиционном смысле лексема *to slalom* репрезентирует действия горнолыжника, спускающегося по трассе, размеченной флагами. Спортсмену приходится преодолевать множество препятствий на большой скорости. В анализируемом контексте актуализированы мастерские действия футболиста, который провел мяч на внушительную дистанцию, обойдя соперника и смог закончить свой проход дальним ударом.

*"Although these are tightly contested, I think Arsenal are rejuvenated after last week, I can see another **cricket score** today, 5–1 Arsenal, RVP hat-trick and Walcott on the score sheet too.*

Анализируемое метафорическое словоупотребление в данном контексте – *cricket score*. Как известно, крикет – это командная игра, в ходе которой игроки зарабатывают очки. Команда получает очки довольно быстро и уже в первые минуты игры количество очков зачастую представляет собой двузначную цифру. Таким образом, в данном примере репрезентируется счет, нехарактерный для футбола, свидетельствующий о полной, безоговорочной победе «Арсенала».

*Built like a cross between a **power-lifter** and a **heavyweight boxer**, he makes "Hulk" of FC Porto look like Mr. Muscle from the kitchen cleaning ads.*

В данном примере происходит сравнение физических параметров футболиста со спортсменом пауэрлифтинга и тяжеловесным боксером. Таким образом, выявляется физическая сила и мощь игрока.

По нашим наблюдениям, спортивная метафорика представляет собой частотное явление также и в политически ориентированных текстах, доминантной чертой которых неизбежно является состязательный характер политических оппонентов, усиленная конкуренция, борьба за власть. С этим, по нашему мнению, связана актуализация метафорических наименований со сферой-донором «спорт / соревнования», которые мы относим к числу базисных в политическом дискурсе. Учитывая вышесказанное, остается добавить, что динамика политической борьбы соответствует накалу страстей в спорте, а наличие победившей и проигравшей сторон, зрителей, болельщиков позволяет говорить о том, что коннотативно нагруженная спортивно-игровая метафорика органично вплетается в канву политического дискурса и становится его неотъемлемой частью.

Манера ведения поединка в спорте, приемы, используемые участниками соревнований в ходе встречи, коррелируют с разнообразными действиями политиков, поэтому спортивные метафоры оказываются востребованными для описания событий, происходящих на политической арене.

*But the campaign was hungry for a **knockout** in the first debate.*

Репрезентация политических процессов как *football game* – футбольного матча, а его участников как *quarterbacks* – защитников, *players* – игроков широко используется в разнообразных метафорических контекстах.

*We felt he (Bush) did a good job at the convention. It's like **a football game**. If you are three **touchdowns** ahead at halftime, then you don't worry so much. Some aids tried to find a virtue in Bush's swaggering style, comparing him to **a quarterback** who wants **the ball in the fourth quarter**. Jesse Jackson says the conclusion to this year's campaign is like **a football game** tied in the fourth quarter.*

Представление политических процессов как игры в американский футбол выявляет ряд негативных ассоциаций, связанных со спецификой данной игры, а именно, жесткостью, возможностью получить или нанести травму, выбыть из борьбы.

Образ политиков может быть представлен рядом метафорических наименований из сферы-источника метафорической экспансии «Спорт»: *Olympic athlete* (участник олимпиады), *competitor* (участник соревнований), *ballplayer* (игрок с мячом), *prizefighter* (боксер профессионал), *lightweight* (спортсмен в легком весе), *heavyweight* (тяжеловес).

*Bush now the self-declared underdog, has been drilling like an **Olympic athlete** for the three debates he faced on Oct. 3, 11 and 17. Saying he expected to win in South Carolina, he added, "I'm **a competitor** and I'm prepared to compete."*

В целом наименования вызывают положительные ассоциации. Метафора *sportsman* (спортсмен) имеет коннотации «сильный», «энергичный», «молодой», «целеустремленный», т.е. спортивная метафорика эксплицитно выражает набор качеств, необходимых любому политику, акцентируя внимание адресата на действенной, активной позиции участников политического процесса.

В основе рассмотренных нами метафор лежат концепты «спорт» и «игра». Имеющая в метафорическом контексте общий «пучок» смыслов и ассоциаций, спортивно-игровая метафорика структурирует целостную картину мира в сознании коммуникантов. Рассматриваемая концептуальная метафора является ба-

зисной для англо-американской культуры. Ее воспроизводимость и «активность» в СМИ обусловлены представленностью основных принципов спортивной культуры в массовом сознании.

Список использованных источников:

1. Гак В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.
2. Мак Кормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Мак Кормак // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 358–386.

Гнатенко Е.В.

Харьковская государственная академия физической культуры, Украина

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В СПОРТИВНОМ ВУЗЕ

Данная статья посвящена проблемам, с которыми сталкиваются студенты спортивных вузов при изучении английского языка. Сегодня эта проблема приобретает особое значение в связи с развитием научно-технического процесса, как следствие требует более качественного подхода к преподаванию, а также предлагает широкие возможности использования ТЗН, с целью усовершенствования процессов как преподавания, так и восприятия материала.

Знание иностранных языков теперь не роскошь, а необходимость. Студенты спортивного вуза часто бывают за границей, где знания английского языка просто необходимы. Свободное владение иностранным языком, вместе с профессиональными навыками позволяет спортсмену получить достойную работу и построить успешную карьеру не только в родной стране, но и за рубежом.

Современное образование должно ориентироваться на развитие личности студентов, их познавательных и созидательных способностей; на формирование у них глубокого личностного мотива, стимула к получению образования.

Актуальность данного исследования обуславливает тот факт, что не всегда желание студентов говорить и знать язык совпадает с их способностями к нему. Од-

ним язык дается легко, другим – трудно. О том, какие трудности возникают у студентов-спортсменов при изучении английского языка и пойдет речь в этой статье.

Самым главным в изучении иностранного языка является именно практика общения, а не теория грамматики. На сегодняшний день существует 3 метода изучения иностранного языка, это:

Коммуникативный. Этот метод наиболее распространенный. Это диалоги, слушание, чтение. Желательно, чтобы изучались стандартные грамматические, лексические и синтаксические правила.

Грамматико-переводной. Больше всего подходит профессионалам-лингвистам.

Метод «детского вовлечения». Значит – сначала понимать язык, потом говорить на нем, затем читать и писать. Этот метод рассчитан на долговременную программу, но при этом полученные знания останутся навсегда.

Одной из самых распространенных проблем при изучении английского языка является то, что мы думаем на русском и только потом переводим слова на иностранный язык, затем сопоставляем с правилами грамматики, потом говорим предложение. А это слишком утомительно для человека.

Сравнительная характеристика говорения и аудирования дает возможность выделить общие психологические параметры. Оба вида речи характеризуются наличием сложной мыслительной деятельности с опорой на внутреннюю речь и механизм прогнозирования. Основным различием этих двух процессов являются их конечные звенья – порождение высказывания для говорения и восприятие речи для аудирования. В методическом отношении существенным является то, что аудирование и говорение, находясь в тесной взаимосвязи, способствуют развитию друг друга в процессе обучения. Для того чтобы научиться понимать речь, необходимо говорить, и по тому, как будет принята ваша речь, судить о своем понимании. Понимание формируется в процессе говорения, а говорение в процессе понимания.

Допустив, что все виды речевой деятельности должны тесно взаимодействовать не только на продвинутом этапе, но и в самом начале обучения иностранному языку, можно сделать два практических вывода: 1) не надо делать специальных усилий для переноса речевых умений; 2) надо строго управлять учебным процессом, учитывая как общие, так и различные параметры устной и письменной форм коммуникации. Говорение – достаточно неизученный вид речевой деятельности с точки зрения возникающих здесь трудностей. Трудности говорения зависят от того, что речь подразделяется на диалогическую и монологическую. Отсюда трудности диалогической речи – необходимость постоянного следования за мыслью собеседника, боязнь студента, что он может что-то не понять или не так ответить. Трудность же монологической речи в том, что нужно постоянно поддерживать логичность высказывания, не сбиваться с мысли.

В аудировании выделяют три группы трудностей: трудности, связанные с особенностями акта слушания и речевой деятельности слушающего; трудности, связанные с особенностями речи носителей языка; трудности, связанные с особенностями цивилизации страны изучаемого языка и овладением социолингвистическим и социокультурным компонентами коммуникативной компетенции. Для того чтобы преодолеть трудности, связанные с пониманием речи носителей языка, необходимо уже с начала обучения слушать их речь, помнить, что чем больше разных дикторов (мужчин, женщин, детей) будет слушать обучающийся, тем легче он адаптируется к индивидуальной манере речи. При отборе текстов следует отдавать предпочтение аутентичным устным текстам, репрезентирующим разговорный стиль повседневного общения.

Важно, чтобы в тексте использовались слова и словосочетания, характерные для устного неофициального общения (в нашем случае – спортивная лексика). Эти лексические единицы следует вводить до слушания текста в сочетании с их литературными эквивалентами.

Бесспорно, наилучший результат может быть достигнут при использовании аудиовизуальных источников и, в первую очередь, учебных фильмов к зарубежным курсам иностранного языка.

Кучумова Н.В.

Львівський національний медичний університет імені Д. Галицького, Україна

WAYS OF FORMING MEDICAL EPONYMS

In the context of medicine an eponym is defined as “...a disease, structure, or species named after a particular person, usually the person who first discovered or described it” [4, p. 248]. Eponyms are particularly abundant in medicine as well as in all branches of science. Since ancient times proper names have been applied to anatomic structures, syndromes, diseases, medications, procedures, operations, instruments. Eponyms usually commemorate actual persons, but some derive from literature or mythology. For example, *Ulysses syndrome* (extensive diagnostic investigations conducted because of a false-positive result in the course of routine laboratory screening); *Jekyll-and-Hyde syndrome* (dramatic changes in the behaviour of elderly patients); *Munchausen syndrome* (a mental disorder in which the patient persistently tries to obtain invasive hospital treatment for an illness that is nonexistent); *Lazarus complex* (spontaneous return of circulation after attempts to resuscitate fail). Besides, geographic eponyms, or toponyms, also occur in medical nomenclature (e.g., *Lyme disease*, a form of arthritis caused by tick-borne bacteria, was named for the town of Lyme, Connecticut, where the first cases occurred).

In English there are a number of ways of forming eponyms. The most common way is to add the apostrophe “s” to the name of a person. It is called the synthetic genitive, possessive case. Terms of this type honour persons who first described or reported the things named (e.g., *Hodgkin’s disease* – a malignant disease of lymphatic tissue). The synthetic genitive also appears in eponyms based on the names of persons who suffered from, or even died of, the conditions named (e.g., *Pott’s fracture* – fracture of the lower part of the fibula; *Musset’s sign* – rhythmical jerking movement of the head seen in cases of aortic aneurism and aortic insufficiency; *Carrion’s disease* – bartonellosis – infection by *Bartonella bacilliformis*, transmitted by sandflies), or in terms referring to occupations or classes of person (e.g., *gamekeeper’s thumb*, *pigeon-breeder’s lung*) [1].

Another way of forming eponyms is to use a proper noun without the apostrophe “s”, that is, the use of the proper noun as an adjective. It is known as a substantival adjunct, uninflective type (e.g., *Petri dish*, *Simpson light*, *Morgan unit*). This form is commonly used with compound proper names referring to more than one person (e.g., *Pellegrini-Stieda disease*, *Morgagni-Adams-Stokes syndrome*). It is commonly applied for eponyms referring to surgical instruments (*Adson forceps*, *Wandenstein tube*, *Kocher clamp*, *Levin tube*, *Velpeau bandage*), methods or techniques (*Yuzpe method*, *Gram stain*, *Pfannestiel incision*), genetic factors or familial disorders (*Christmas disease* – a relatively mild type of haemophilia, caused by lack of a protein (Christmas factor) implicated in the process of blood clotting). This form of forming eponyms is used for terms based on the names of literary characters (*Achilles tendon* – the fibrous cord that connects the muscles of the calf to the heelbone, *Oedipus complex* – repressed sexual feelings of a child for its opposite-sexed parent, combined with rivalry towards the same-sexed parent) and toponyms (*Malta fever* – another term for undulant fever). In addition, this form is often chosen for proper names ending in “s” (e.g., *Allis sign* – relaxation of the fascia between the crest of the ilium and the greater trochanter: a sign of fracture of the neck of the femur; *Capgras syndrome* – a form of delusional misidentification in which the patient believes that other persons in the environment are not their real selves but doubles; *Graves disease* – a syndrome of diffuse hyperplasia of the thyroid, with a female predominance).

An eponym can be formed by using a truncated form of the proper noun (isolated proper noun, used in place of substantival adjunct + principal noun) (e.g., *a positive Babinski* – an abnormal reflex elicited when the sole of the foot is firmly stroked causing the big toe to extend and the other toes to fan out; *to insert a Foley* (catheter)) [5]. These terms sound less formal than complete expressions. However, they are widely applied in speech.

Another way of forming eponyms is verb derivation (e.g., *to kocherise* – to dissect the duodenum from the right-sided peritoneal attachment for allowing mobilization and visualization of the back of the duodenum and pancreas; *to pasteurize* – to subject products to a process of partial sterilization, especially one involving heat

treatment or irradiation, thus making products safe for consumption), or noun derivation (e.g., *narcissism* – excessive or erotic interest in oneself and one's physical appearance, *darwinism* – the theory of the evolution of species by natural selection advanced by Charles Darwin, *parkinsonism* – another term for Parkinson's disease, *bartholinitis* – inflammation of Bartholin's gland, typically accompanied by cysts or abscesses).

Eponyms can be formed by using the analytic genitive with the word “*of*” (e.g., *the circle of Willis* – cerebral arterial circle, an anastomosis between the two vertebral and two internal carotid arteries; *vein of Marshall* – oblique vein of left atrium).

Until recently, eponyms containing synthetic genitives were the most numerous in medical English. The language is currently undergoing a change in which eponyms of this “possessive” type are being replaced by variants containing proper nouns in uninflected form. Although the synthetic genitive in English medical eponyms is based on centuries of linguistic tradition, it is viewed by some scientists as a source of inconsistency, uncertainty, and errors. Although the problem was identified more than 30 years ago when an international working group clearly recommended discontinuation of all possessive forms, the problem still remains unresolved. The study of Jana N. et al. [3] showed that in European publications possessive eponyms are commonly used, while in north American counterparts the nonpossessive forms of medical eponyms are predominantly applied. Gradual decline of possessive form is evident in print and electronic publications. It is considered that nonpossessive form of eponyms is more efficient, simple and non-confusing and has both linguistic support and endorsement by major international organizations.

The list of references:

1. Dirckx J.H. The synthetic genitive in medical eponyms: Is it doomed to extinction? // *Panace@*. – 2001. – Vol. 2. – No 5. – P. 15–24.
2. *Dorland's Illustrated Medical Dictionary*. – 29th edition. – 2000. – 2088 p.
3. Jana N., Barik S., Arora N. Current use of medical eponyms – a need for global uniformity in scientific publications// *BMC Medical Research Methodology*. – 2009. – Vol. 9. – P. 18.
4. *Oxford Concise Medical Dictionary*. Oxford University Press. – 2007. – 807 p.
5. Teo Eng Swee C. Eponyms in medicine // *SMA News* – 2007. – Vol. 39(8). – P. 21–23.

К.філол.н. Лисейко Л.В.

Чорноморський державний університет імені П.Могили, м. Миколаїв, Україна

СТИЛІСТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ КОНФЕСІЙНИХ ТЕКСТІВ СЕРЕДНЬОВЕРХНЬОНІМЕЦЬКОГО ПЕРІОДУ

Для стилістики німецької мови характерне поповнення, вирівнювання, розвиток, збагачення та жанрове диференціювання різних функціональних стилів. Це стосується конфесійного, офіційно-ділового, наукового, публіцистичного та художнього стилів.

Писемні пам'ятки багатьох народів починаються з запису культових пісень, благословлянь, заклинань, які налічують архаїчні тенденції поетичної мови та консервативні елементи релігійного та магічного словникового складу.

Темою нашої доповіді є аналіз стилістичних особливостей релігійної та культувної літератури середньовірного німецького періоду.

З позиції сучасної лінгвістики релігійні та культові тексти належать до конфесійного стилю. Сфера поширення сучасного конфесійного стилю – це культові установи: церкви, монастирі, скити, теологічні навчальні заклади, молитовні будинки, релігійні громади, віруючі родини.

Головне призначення цього стилю – допомагати віруючим у спілкуванні їхніх душ з Богом, зберігати і продовжувати культові ритуали, об'єднувати віруючих одним почуттям щиросердної віри в Бога та шукати шлях до нього [7].

Основними конститутивними ознаками конфесійного стилю є урочистість і піднесеність у якості стилістичних домінантів, а також благозвуччя, символізм та стійкість стильової норми.

До основних мовних стильових або стилетворчих засобів конфесійного стилю належить маркована лексика, яку в німецькій мові називають конфесійною. Це стилістичні *Jesus, unser herr, zarter herr, heilig Jeremias, bitterliche lidene, gotheit*. До маркованої лексики можна віднести мікростилістичні словотвірні характеру *himmelrîchi, ertîchi, gemintu*, які мають давньокнижну конотацію.

Серед конфесійної лексики є складні слова *santa Maria, heilger vater, heiliger geist, daz blud und herzce, vromer herr*, які були невід'ємною частиною конфесійного стилю середньонімецького періоду розвитку німецької та належать до нього в сучасній мові.

Конфесійний стиль налічує загальноповживані вирази, які набули сакрального забарвлення і мають специфічну, конфесійну конотацію. Деякі з них шляхом перенесення і символізації набули конфесійного стилістичного значення [1]. В середньовіжній німецькій мові це вирази типу: *Jesus Leip (Brot)und Blut (Wein)*, слово *wegge* дорога – вживалось у значенні ‘життя’.

Не можна не помітити таку мовну ознаку конфесійного стилю, як архаїзми *vromm* – ‘блажений’, *got und sîn knecht* – ‘Бог і його слуга’, *haidenschaft* – ‘язичництво’, *busse* – ‘каяття’.

Конфесійний стиль має також свою фразеологію – усталені словосполучення: *Jesus Cristi, Jungfrau Maria, heiliger Geist, Auferstehung* – ‘воскресіння’.

Таким чином, конфесійний стиль німецької мови зберігає основні риси класичної сакральної мови – це урочистість, канонічність словоформ і конструкцій, сталість жанрів, а саме Біблія, Євангеліє, Маріїнська поезія, проповідь, псалом. До речі, конфесійна мова є найпоширенішою в ранньому середньовіччі, а саме в XI столітті, тому що основними писемними пам'ятками того часу були церковні тексти [3].

Керуючись основними положеннями сучасного конфесійного стилю, розглянемо його функціонування в середні віки на території Німеччини. В духовній літературі того часу присутніми були мотиви, події та фігури з релігії, теології та церкви, які зустрічалися також і в світській літературі, але не домінували в ній. Для духовної літератури прикладом могли бути навіть легенди. Але обов'язковою ознакою цього конфесійного стилю у середньовіччі була бінарна протилежність та конфлікт. Виміром у духовній літературі було протиставлення добре обґрунтованої любові та виправданої ненависті, які могли направлятися на одну й ту саму особу.

Основними темами були хвороби – *giht*, одужування завдяки заклинанням – *buoza*, становлення і ствердження християнства – *cristetûm*, христини – *taufe* [6].

З позиції лексичної стилістики слід відмітити, що лексичний інструментарій був суто конфесійним.

До клерикальної та церковної літератури середньовісньонімецького періоду належать крім молитв, проповідей, обрядових пісень, твори представників містичного напрямку, які зробили значний внесок у розвиток і становлення як німецької теологічної літератури, так і німецької мови. Їх новоутворення, з позиції середньовісньонімецької мови, існують і активно використовуються в сучасній німецькій мові.

До конфесійного стилю належить також книга про духовне життя Гайнріха Сойзе. Не дивлячись на те, що вона містить відомості про самого автора й має риси автобіографічного твору, в ній зображується духовний шлях і розвиток великого містика. Сойзе в своїх творах шукає відповіді на запитання, які турбували містиків, а саме пошук шляхів єднання з Богом, праведного способу життя, внаслідок таких роздумів, тексти мають ознаки проповіді:

‘Der hat begird, daz er wurde und hiesse ein diener der ewigen wîsheit.’ – ‘Він мав пристрасть, яка стала ним і називалась – служитель вічної мудрості’ [4].

‘Der mensch begert von im, daz er ir etwaz seite von lidene usser eigner enpfîndunge, dar abe ir lidendes herz ein kraft mohti nemen; und daz treib si vil zites mit ime.’ – ‘Людина бажає від нього, що він їй щось скаже про наші страждання і власні відчуття, але її страждальне серце хотіло б знайти силу; і це забирає в неї і в нього багато часу’ [5].

Лексична стилістика творів Сойзе представлена словами, які виражають душевний стан і переживання автора: kraft – ‘сила’, zit – ‘час’, frage – ‘питання’, ûbung – ‘вправа’, lid – ‘страждання’, begird – ‘бажання’, wîsheit – ‘мудрість’, götlich – ‘божественний’, heimlich – ‘довірливий’, herz – ‘серце’, enpfîndunge – ‘відчуття’, diener – ‘служитель’. Наведені лексеми належать ідеографічних і стилістичних синонімів, демонструють розвиток думок в одному напрямку – релігійному та духовному. Все пов’язано навколо вічної мудрості, сердечних і душевних страждань, викликаних пошуками власного “я” [2]. Мовно це виражається вживанням слів, які мають додаткові значеннєві відтінки, відрізняються якістю

емоційної експресії, розмовним і книжним колоритом, але все ж таки всі лексеми направлені на передачу душевного стану та емоцій, які мають таку виразність, що сприймаються як стилістеми, які служать для урізноманітнення тексту.

Таким чином, конфесійні тексти середньовіччя, безперечно, відносяться до жанру художньої літератури з різностороннім стилістичним забарвленням. Не дивлячись на те, що релігійні твори не мають експресивного забарвлення. З позиції граматичної стилістики найчастіше вживаються іменники, займенники та дієслова, за допомогою яких передаються роздуми і переживання середньовічної людини на території сучасної Німеччини.

Список використаних джерел:

1. Pretzel, Ulrich *Mittelhochdeutsche Bedeutungskunde*, Carl Winter Heidelberg, 1982. – S. 296.
2. Dhondt, Jan *Das frühe Mittelalter* B. 10. – Fischer Taschenbuch Verlag Frankfurt / M., 1990. – S. 397.
3. Dhondt, Jan *Das Hochmittelalter* B. 11. – Fischer Taschenbuch Verlag Frankfurt / M., 1991. – S. 349.
4. Drozd, Leo *Deutsche Fach- und Wissenschaftssprache*. – Oscar Brandstetter Verlag KG Wiesbaden, 1973. – S. 207.
5. Hausherr-Maelzer, Michael *Die Sprache des Patriarchats*. – Verlag Peter Lang GmbH Frankfurt am Main, 1990. – S. 246.
6. *Eine neue Geschichte der dt. Literatur* hrsg. von Berlin University Press, 2007. – S. 1219.
7. Roelcke, Thorsten *Fachsprachen*. – Erich Schmidt Verlag GmbH Co. KG Berlin, 2010. – S. 269.

К.филол.н. Пуяткина Е.И.

Сургутский государственный педагогический университет,

Российская Федерация

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ АНГЛИЙСКИХ ПРЕЦИЗИОННЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ «0» и «2»

Для осуществления адекватной коммуникации с членами сообщества перед коммуникантами возникает проблема выбора необходимых языковых средств, а сам выбор тесно связан со словообразованием. Словообразование, как отмечает в своей статье Е.С. Кубрякова, является составной частью ономазиологии – раздела лексикологии, изучающей все единицы языка с точки

зрения осуществления ими номинативной функции, а также интересующейся вопросами номинативной техники и способами формирования единиц номинации разного уровневого статуса [1, с. 467–468].

Распространение ономаσιологического подхода к исследованиям словообразовательных процессов, как полагает Е.С. Кубрякова, привело к тому, что словообразовательное значение рассматривается как сложно структурированное значение, выражающее особый тип отношения между ономаσιологическим базисом исследуемого слова и его ономаσιологическим признаком, например, «школьник, где базис *–ник* формирует значение «тот, кто», а признак «школа» приписан базису посредством подразумеваемого имплицитного предиката «учиться» или «учитель» [2, с. 345–346].

Словообразовательный процесс в отношении числительных «0» и «2» неотделим от специального дискурса, под которым понимается микротекст, сообщающий информацию для определённого круга специалистов, так как дискурс, по мнению Л.Л. Нелюбина, это произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения ... Элементами дискурса могут быть излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события» [3, с. 47]. Одним из важных видов передаваемой этими числительными информации является числовая прецизионная информация (числительные, цифры и даты) [3, с. 251].

Отечественные лингвисты И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, А.И. Смирницкий и Б.А. Ильиш в своих работах отмечали словообразовательные характеристики языковых единиц как один из важных признаков для распределения этих единиц по соответствующим морфологическим классам: классам знаменательных и функциональных частей речи.

Вопрос о морфологических классах или морфологических категориях языковых единиц в английском языке до сих пор остается спорным. Разночтения в трактовке частей речи или грамматического значения английского слова наблюдаются и в справочной, и в научной, и в учебной литературе. Суть разночтений заключается в ономаσιологических характеристиках знаменательных и функциональных частей речи в современном английском языке.

Согласно классификации англоязычных лингвистов, R. Quirk *et al*, существует только один признак отнесения языковой единицы к знаменательным частям речи – это реальная и потенциальная словообразовательная характеристика, свойственная только существительным, прилагательным, наречиям и глаголам. Все остальные слова относятся к функциональным частям речи [4]. Такой подход к грамматическому значению английских слов объясняется приверженностью англоязычных лингвистов традициям грамматики древнегреческого и латинского языков. Тот факт, что развитие грамматики английского языка не может ограничиваться указанными рамками, приводит к тому, что английские числительные распределяются на три морфологических класса: существительные, прилагательные и детерминативы [4]. К словообразовательным признакам английских лексем англоязычные лингвисты, в первую очередь, относят деривационные признаки по типу: to learn (verb) – learner (noun) – learnable (adjective) – learnably (adverb), когда в словоизменительных лексемах сохраняется корневая морфема.

Этой классификации Р. Квёрка и его учеников вынуждены следовать и англоязычные лексикографы при оформлении лексикографических данных аутентичных словарей об английских числительных.

Несостоятельность и непоследовательность применения только одного морфологического признака, словообразовательного, к английским именам числительным приводит к тому, что английские числительные, представляющие один морфологический класс по русскоязычной классификации, разнесены в англоязычной классификации по классам существительных (*hundreds, twos* – показатель множественности), прилагательных (*ten boys* – атрибутивная синтаксическая функция), детерминантов, преддетерминативов (*double, twice, three times, etc*) и постдетерминативов (*There were fifty passengers; The paragraph begins on page fifty*), поскольку они стоят в препозиции или постпозиции к определяемому слову [4, с. 25–29; 60–69]. Главным доказательством отнесения имени числительного к словам, так называемого закрытого класса, является выпол-

нение ими дейктической синтаксической функции в предложении. Семантические признаки рассматриваемых числительных отходят на второй план, особенно если они далеко отстоят от определяемого ими слова в роли предетерминатора.

Русские англисты: Б.А. Ильиш, И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева и другие считают, что одного словообразовательного признака для классификации частей речи не достаточно. Впервые критические замечания и более корректные подходы к классификации морфологических классов языковых единиц европейских языков предложил И.А. Бодуэн де Куртенэ в начале XX века, затем в своих трудах продолжили выработку и описание объективно существующих морфологических и лексических признаков знаменательных и функциональных частей речи Л.В. Щерба и в 70–80-е гг XX века эти принципы были изложены в монографиях по грамматике английского языка Б.А. Ильиша, И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой, Н.А. Кобиной, Е.А. Корнеевой. В своих трудах И.А. Бодуэн де Куртенэ, Л.В. Щерба и Б.А. Ильиш отмечали особый статус английских числительных среди морфологических классов современного английского языка.

Попытка соединить обе классификации английских частей речи была предпринята в 2003 году коллективом авторов монографии *A New University English Grammar* под редакцией А.В. Зеленщикова и Е.С.Петровой [5]. Согласно этой классификации авторы рассматривают английские числительные как уникальную лексико-грамматическую группу слов, относящихся к разным кодам по их семиотическим характеристикам, а также уникальную с точки зрения принадлежности к двум морфологическим категориям: закрытому (класс функциональных лексем, суть функциональные части речи, не способные передавать значимую информацию в коммуникации) и открытому (класс знаменательных частей речи, подразделяющихся на существительные, прилагательные, наречия и глаголы). Существенным семантическим признаком числительных авторы признают только те, что возникают в устойчивых словосочетаниях. Описание морфологической структуры числительных сводится только к суффиксальной деривации внутри класса. Описание синтаксических признаков даётся в терми-

нах англоязычной лингвистической школы. Очень важные и не встречающийся в других грамматиках раздел – это описание узуса английских числительных в условиях англо-русской межкультурной коммуникации, что, несомненно, важно для студентов, изучающих английский язык как иностранный. Эти преимущества учебника уступают другому учебнику, выпущенному в 1999 году, в котором авторы: Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева рассматривают английские числительные с позиций Б.А. Ильиша, сразу подчеркивая принадлежность английских числительных к классу знаменательных частей речи [6, с. 260–266]. В разделе «The Numeral» авторы описывают грамматические признаки и виды английских числительных, морфемный состав различных числительных, синтаксическую сочетаемость, их синтаксические функции. Хотя, по замечанию авторов, английские числительные не подвергаются никаким морфологическим изменениям, т.е. не меняют своего морфологического статуса [6, с. 263], авторы описывают случаи конверсии, а именно субстантивации числительных: *Hundreds of books (a great quantity)*; *they came in twos (sets of persons or things)*; *the two of hearts (cards)*; *in the early sixties (decades)*; *He was the first to come (Complex Subject)* [6, с. 266]. Анализируя приведенные примеры, авторы грамматики английского языка обращают внимание на тот факт, что субстантивация как словоизменяющая, словообразовательная, категория в результате придает новое значение этому числительному, называя: «очень большое количество», или «распределение некоего количества по группам», или «вид игральной карты», или указывают на «десяток лет», или на «порядок действия». Иными словами лексема-числительное уточняет информацию о денотате, добавляя имплицитные знания о точном количестве в денотативное значение лексемы [6, с. 266].

Вместе с тем, без обращения к ономаσιологическим аспектам словообразования числительных, невозможно понять причины их употребления в различных идиоматических словосочетаниях. Именно словообразовательные модели могут указать на особое видение мира, высветив семантические связи лексем-числительных с лексемами не-числительными, что достаточно четко прослеживается

ся в примерах с английскими числительными «0» (zero, zilch, nought, null, nil) и «2» (two). Числительное «ноль» не часто попадает в поле зрения исследователей, поэтому существует мнение, что числительное «ноль» нельзя включать в список английских числительных, поскольку у него нет соответствующей формы порядкового числительного [4].

Английские порядковые числительные, согласно правилам грамматики, образуются с помощью суффикса *-th*, поэтому словоформа «нулевой» должна выглядеть как *zeroth*. Данные толковых английских словарей, в первую очередь, Большого Оксфордского словаря литературного английского языка С. Джонсона опровергают мнение о том, что такой лексемы в современном английском языке нет. Этот словарь информирует, что словоформа *zeroth* появилась в конце XIX века и что её лексическое значение может объясняться как: *zeroth = coming next in a series before the one conventionally regarded as the first* (элемент, стоящий в ряду перед тем, что именуется «один» рассматривается как первый, т.е. «нулевой» – [Перевод наш – Е.П.] [7 БОС]. Существование лексемы *zeroth* – «нулевой» не предполагает его использования в русском словосочетании «нулевой меридиан» (меридиан, от которого начинается исчисление и нумерация других меридианов на географической карте, а также часовые пояса). Русский термин «нулевой» будет соответствовать английским лексемам *Prime* (первый, первичный), *Greenwich* (Гринвич, название селения, близ Лондона, где расположена обсерватория, через которую и проходит нулевой меридиан), *International* (международный).

Существует и глагол *to zero = to set the sights of a rifle using targets at known distances* (целиться), значение, появившееся в XX веке. Глагол *to zero* может также использоваться в переносном, метафорическом значении: «сосредоточить внимание на чем-то». В этом значении глагол *to zero* выступает в роли синонима двум другим фразовым глаголам: *to close in on u to home in on*.

Глагол *to zeroise* (калибровать), появившийся в конце XX века является примером деривации, свидетельствующий об ассимиляции числительного *zero* в современном английском языке.

Числительное «0» будет передавать различную информацию, в зависимости от его графического написания, например в десятичных дробях: 0.005 = zero point (decimal) five; 0,005 = zero decimal zero, zero five / zero decimal double zero five = ноль целых пять тысячных. Или в обозначении времени: 5.00 – They are to come at 5.00 (five o'clock sharp / exactly) – «Они должны приехать ровно в пять». Два нуля после точки соответствуют в русском языке наречию «ровно», а в английском языке двум наречиям-синонимам: sharp и exactly. Цифра «0» в сочетании с другими арабскими цифрами: 30, 400 и так далее указывает на разряды чисел – десятки, сотни (thirty, four-hundred) и т.д. Дополнительное различие в американскую и британскую культуры привнесло чтение графического написания года – 2000, поскольку в британской культуре сложилась традиция годы, заканчивающиеся на два нуля (1600, 1700 и другие) произносить как шестнадцать / семнадцать сотен: sixteen hundred, seventeen hundred. Американцы произносят эту дату как *two thousand* (двухтысячный), тогда как англичане, продолжая традиции, произносят как *twenty hundred*.

Как видно из приведенных примеров, числительное *zero* многозначное слово, обладает выраженными деривационными свойствами (*zeroth* – нулевой), может способом конверсии образовать глагол от числительного (*zero – to zero* – наводить на цель, целиться). В свою очередь, глагол *to zero* с семой числа «ноль» образует дериваты: прилагательное *zeroable* (лингвистический термин: тот элемент, который может быть опущен без изменения значения) и герундий *zeroing* (лингвистический термин: процесс опущения или удаления части структуры или формы слова).

Большой словарь литературного английского языка приводит более тридцати примеров участия числительного *zero* в словосложении, например, *zero gravity* (невесомость), *zero hour* (время «ч»), *zero tolerance* (нетерпимость со стороны властей и полиции анти социального поведения граждан) и другие. Особый интерес представляет словосложение – редупликация *zero-zero* (нулевая видимость, когда небо закрыто тучами и сливается с линией горизонта) [7].

Таким образом, числительное *zero* «ноль» демонстрирует широкий спектр своих словообразовательных возможностей: словосложением, деривацией, метафоризацией, конверсией, которые свидетельствуют о том, что оно заняло свою нишу в специализированных дискурсах, например, субстантивированное числительное «zero» = «зеро» обозначает часть игорного поля рулетки.

Будучи заимствованным из арабского языка через французский в начале XVII века, числительное *zero* «ноль» в процессе активного использования в различных специализированных текстах, перешло и в основной вокабуляр к концу XX века. Числительное *zero* «ноль» имеет постоянные семантические связи с другими английскими лексемами, имеющими значение «ничего, ничто», образовав, таким образом, синонимическую группу *nought, naught, null, nil, zilch* (*Am, slang*). Сема числа «0», объединяющая синонимы, таким образом, позволяет передать название игры – *noughts and crosses* – «крестики – нолики» или образно выразить сожаление о проигрыше в виде идиомы – *to come to naught* = *to fail*.

Числительное «2» – лексема «two» германского происхождения, имеет родственные формы в древнегреческом и латинском языках, восходящие к санскритскому *dvau* (мужского рода) и *dve* (женского и среднего рода). Графически количественное числительное 2 может быть представлено арабской цифрой 2 и римской цифрой II. Ономаσιологически обе графические формы числительного 2 в сложившейся англоязычной культуре разведены по различным дискурсам: арифметические и математические действия с количественными объектами, нумерация домов, страниц даётся арабскими цифрами. В то время как в монографиях или научных трудах можно увидеть, что одна часть страниц обозначена римскими цифрами, а другая – арабскими. Обычно такое различие в нумерации страниц свидетельствует о небольшой вступительной части, страницы которой и нумеруются римскими цифрами. Культурно-обусловленная числовая прецизионность информации [3], обозначаемой римскими цифрами, содержится в именах собственных, относящихся к именам монархов и римских пап, например, Edward II (Edward the Second), Pope Johan Paul II (Pope Johan Paul the Second).

Здесь римские цифры выступают дейктиками некоего исторического дискурса.

Субстантивированная форма *by two* в предложении: *We have to be there by two* (Нам необходимо быть там к двум [часам]) представляет собой метонимический перенос значения *o'clock*. В другом контексте мы также сталкиваемся с метонимическим переносом: *His family went to Australia when he was two* (Его семья переехала в Австралию, когда ему было два [года]). Здесь числительное *two* включает метонимически существительное *years* и означает *two years*. Поэтому метонимический перенос значения существительного на связанное с ним числительное требует анализа синтаксических функций всех членов предложения, равно как и внимания к семантике окружающих числительное лексем.

Общими правилами субстантивации числительных являются именованная / значения групп людей или предметов: *in twos* (по двое), где числительное имеет форму множественного числа – **s**; названия карт (*the two of spades* – двойка пик); и названия команд в соревнованиях по гребле (*the two* – двойка [двойка гребцов]).

Первичное значение *two* в аутентичных толковых словарях даётся как *a pair of people or things* (пара людей или предметов), а *couple* (пара). В современном английском языке *a couple* в описании людей подразумевает только семейную пару.

Числительное *two* – многозначное слово, обозначающее не только количество предметов, объектов, людей, но и размеры одежды, обуви, перчаток и других предметов одежды. Словообразовательные свойства этого числительного широко представлены в многочисленных моделях словосложения, например: *two-bottle* – *a person capable of drinking two bottles of wine at a sitting*, *two-address* – *having two addresses*; *two-body* – *(Physics) involving or pertaining to two objects or particles*; *two-decker / double-decker* – *a thing with two main decks, layers, or divisions* и других, где сема числа присутствует чаще эксплицитно, чем имплицитно.

Модель словосложения выглядит как **Nm + N**, реже **Nm + Adj / Nm + Adv** e.g. *two-dimensional / two-dimensionally*. Менее распространенными можно назвать модели **Nm + Participle II** (*two-eared; two-fisted; two-ended; two-toned; two-handed; two-tongued*). Особый случай регионализма демонстрирует сложное

слово *two-tooth*, характерное для Австралийских и Новозеландских овцеводов, так как обозначает взрослую овцу (a sheep between one and two years old with two full-grown permanent teeth).

Редуплицированное словосочетание $Nm + Nm = two-two$ может иметь два значения: одно значение из военного жаргона «a gun of .22 caliber», а второе значение «a graduate having a lower second-class degree» из студенческого жаргона, характеризующее более низкую ступень образовательного учреждения.

Деривационные модели числительного *two* представлены существительными *twoer* и *twoness*, прилагательными *twosome*, *twofold*.

Twoer = something consisting of or counted as two, as a hit at cricket for which two runs are scored (то, что можно засчитать дважды)

Существительное *twoness* означает duality (двойственность), прилагательное *twosome* означает two people who work together or spend a lot of time together (двое, кто работает вместе или проводит время вместе; вдвоем), прилагательное *twofold* означает twice as great or as numerous (вдвое больше). Существительное, производный дериват от прилагательного *twofold* – *twofoldness* означает being two in number or twofold (в количестве двух или дважды). Производное наречие от прилагательного *twofold* – *twofoldly* означает *doubly, in a twofold manner* (в двойном размере).

Образование существительного *twoer* свидетельствует о гипотетическом существовании глагола *to two*, от которого могло появиться существительное с суффиксом «тот, кто производит действие». Возможно, что здесь ступень образования глагола от числительного осталась вне литературного языка.

Числовая прецизионная информация о действиях двух объектов или увеличении объема объекта в два раза выражена эксплицитно в каждом деннотативном значении приведенных слов.

Лексема *two* также имеет и фразеологическое значение в таких высказываниях, как *Two's company three's a crowd* = it is better to leave two people alone to spend time with each other (Третий – лишний).

Или *It takes two to tango = if a problem involves two people then both people are equally responsible* (Двое назначены – они же и отвечать должны)

There are no two ways about it = smth is definitely true, especially something unpleasant (Ничего с этим не поделаешь) [7; 8].

Наличие синонимов, через которые даются пояснения семантической структуры *two* в словарях, множественные идиоматические выражения с числительным «*two*», дополнительные коннотации, которые придает это числительное высказываниям, поколенческий опыт, передаваемый в словосочетаниях и предложениях с числительным *two*, свидетельствует о значимости этой лексики в общей англоязычной культуре и в дискурсе повседневной англоязычной коммуникации.

Значимость семантики числительных «zero» и «two», их значимость в процессе номинации объектов и действий в различных сферах деятельности членов англоязычного мира свидетельствуют о том, что необходимо и английским лингвистам пересматривать отношение ко всем лексическим единицам, составляющим морфологический класс английских числительных.

Список использованных источников:

1. Кубрякова Е.С. Ономазиология / Е.С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 345–346.
2. Кубрякова Е.С. Словообразование / Е.С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 467–468.
3. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь / Л.Л. Нелюбин. – 6-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 320 с.
4. A University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. – Longman. – Кверк Р., Гринбаум С, Лич Дж., Свартвик Я. Грамматика современного английского языка / под редакцией И.П. Верховской. – М.: Высшая школа, 1982. – С. 25–29; 60–69.
5. A New University English Grammar (Грамматика современного английского языка) / О.В. Емельянова, А.В. Зеленщиков, Е.С. Петрова и др.; под ред. А.В. Зеленщикова, Е.С. Петровой. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2003. – С. 137–151.
6. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 496.
7. БОС: Большой Оксфордский словарь литературного английского языка в двух томах. Shorter Oxford English Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 2002.
8. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Longman Educated Ltd, 2009.

К.филол.н. Толстова Т.В.

*Самарский государственный аэрокосмический университет
имени С.П. Королёва, Российская Федерация*

**ЖАНРОВЫЙ АНАЛИЗ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ
КОММЕРЧЕСКОГО РЕКЛАМНОГО ПИСЬМА
НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Понятие «жанр» (и связанное с ним понятие «жанровый анализ») представляет собой весьма обширную и не всегда достаточно чётко определённую область исследования современного английского языка. В современной зарубежной (прежде всего, англоязычной) науке можно выделить три основные школы жанрового анализа: 1) Новая Риторическая школа (США); 2) Австралийская школа; 3) школа ESP (English for Special Purposes).

Поворотным моментом стали публикации работ Джона Суэйлза, в которых была предложена подробная теоретическая схема жанрового анализа на материале раздела введения к научным статьям. Его теория жанрового анализа включает в себя ряд базовых постулатов в отношении понятия «жанр» [2]:

1. Жанр включает в себя **класс коммуникативных событий** (class of communicative events), к которым относятся такие ситуации общения, где язык играет определяющую роль.

2. Коммуникативные события должны обладать таким признаком, как **общий набор коммуникативных целей** (shared set of communicative purposes). Это объясняется тем, что, за редким исключением, жанры представляют собой ни что иное как коммуникативное средство достижения поставленных задач.

3. Образцы или примеры жанров отличаются с точки зрения **соответствия прототипу** (prototypicality). Для выбора критериев отнесения к тому или иному жанру традиционно используются два подхода: дефиниционный (хорошо известный и использующийся в словарях, энциклопедиях и разнообразных научных текстах) и базирующийся на семейном сходстве (где основанием для объединения объектов в одну «семью» является не общий набор определяющих признаков, а другие, более свободные типы отношений).

4. Ограничения на допустимую свободу автора с точки зрения содержания, композиции и формы жанра, определяются **логическим обоснованием** (rationale), «подоплёкой» последнего.

5. **Номенклатура** (nomenclature) жанров данного дискурсивного сообщества является важным инструментом проникновения в их суть. Знание общепринятых норм в отношении того или иного жанра (а также его логического обоснования) гораздо глубже у тех, кто постоянно или профессионально действует в рамках этого жанра, по сравнению с тем, кто сталкивается с ним случайно, время от времени.

Вопрос о создании номенклатуры жанров, несмотря на отдельные попытки, представляется на данный момент неосуществимым не только по причине их огромного количества, но и в связи неоднозначностью их выделения, отсутствием общепринятых критериев для отнесения того или иного типа текстов к жанру.

Методика выявления когнитивной структуры жанра основана на выделении в текстах одного жанра общего набора **риторических ходов** (moves). Ход – это часть текста, обусловленная или ограниченная особой коммуникативной функцией, т.е. такая часть текста, которая служит для достижения конкретной цели. Если каждый жанр обладает набором коммуникативных целей, то ход представляет собой риторический инструмент, реализующий фрагмент такого набора. Ход может состоять из единиц более низкого уровня – риторических шагов (steps).

Ученик и последователь Джона Суэйлза Виджай Бхатиа [1] исследовал не только жанры научной речи, но и другие профессиональные языки, в том числе юридический и деловой, в частности, он предложил анализ писем коммерческой рекламы (Sales promotion letters) с точки зрения их коммуникативной цели и когнитивной структуры. Под указанным типом текста автор понимает незабранное, написанное по собственной инициативе, письмо, адресованное избранной группе потенциальных клиентов (которые могут быть частными лицами или компаниями) с целью убедить их приобрести товар или услугу. Типичное рекламное письмо призвано служить достижению следующих коммуникативных целей:

1. Главная функция такого письма – персуазивная, убеждающая, в том смысле, что автор рассчитывает получить ответ. Поскольку в данной ситуации

эта задача является сложной, для обеспечения прагматического успеха необходимы следующие дополнительные коммуникативные цели:

2. Письмо должно привлечь внимание получателя, даже если на данный момент у него нет интереса к предлагаемому товару или услуге.

3. Рекламные письма обычно адресованы тем потенциальным клиентам, у которых – по информации автора – должна быть необходимость (сейчас или в будущем) в рекламируемом товаре или услуге. Поэтому главная функция такого письма – расхвалить товар или услугу на предмет того, насколько полезными они будут для покупателя.

4. Поскольку, как уже отмечалось, большинство рекламных писем пишутся по инициативе автора, а не по запросу получателя, а занятые бизнесмены не любят тратить своё драгоценное время на чтение рекламы, такие письма должны быть краткими и эффективными. Это требование вступает в противоречие с другим – в письме должна содержаться достаточная информация о товаре или услуге для тех клиентов, у которых уже есть в них необходимость.

5. Рекламные письма должны служить первым связующим звеном между потенциальным продавцом и покупателем, тем самым иницируя деловые отношения между ними. Поэтому все рекламные письма должны стимулировать дальнейшее общение между двумя сторонами.

Далее структура коммерческого рекламного письма анализируется с точки зрения того, каким образом используемые автором риторические шаги служат достижению коммуникативных целей. В результате выявляется следующая структура:

1. **Обоснование своих полномочий** (Establishing credentials).
2. **Ознакомление читателя с предложением** (Introducing the offer):
 - а) предложение товара или услуги;
 - б) необходимая подробная информация о предложении;
 - в) указание на ценность предложения
3. **Предложение поощрительных стимулов** (Offering incentives).
4. **Прилагаемые документы** (Enclosing documents).
5. **Просьба ответить** (Soliciting response).
6. **Использование тактик давления** (Using pressure tactics).
7. **Вежливое окончание** (Ending politely).

Для каждого шага характерны специфические языковые средства: использование личных местоимений 1-го или 2-го лица при обосновании своих полномочий; эмоционально окрашенная оценочная лексика при ознакомлении читателя с предложением; использование устойчивых формул вежливости при просьбе ответить и в вежливом окончании и т.д.

При этом следует отметить, что некоторые жанры (напр., научные) носят достаточно универсальный характер, тогда как другие (в частности, деловые) демонстрируют заметные культурные отличия [3]. Анализ когнитивной структуры является лишь начальным этапом комплексного исследования жанра, включающего в себя разные уровни – от собственного языкового до экстралингвистического, интертекстуального, социального, культурного и кросс-культурного.

Список использованных источников:

1. Bhatia, V.K. *Analysing Genre: Some Conceptual Issues // Academic Writing in Context: Implications and Applications / Ed. By M.Hewings. – University of Birmingham Press, 2001.*
2. Swales J.M. *Research Genres: Exploration and Applications. – Cambridge University Press, 2004.*
3. *Writing Business: Genres, Media, and Discourses / Ed. by F. Bargiela-Chiappini and C. Nicker-son. – Pearson Education Limited, 1999.*

Загальне мовознавство

К.філол.н. Куделько З.Б.

Чернівецький національний університет імені Ю. Федьковича, Україна

ЛІНГВІСТИЧНЕ ВПОРЯДКУВАННЯ ТЕРМІНОЛОГІЇ:

АСПЕКТИ І ПРОБЛЕМИ

Зважаючи на роль лінгвістики в справі нормалізації науково-технічної термінології, не слід забувати про межу, при якій втручання лінгвістів є доцільним. Не можна, наприклад, вимагати, щоб мовознавець самостійно проникав у сферу формування понять і категорій відповідної галузі науки, не питаючи порад у компетентних спеціалістів. Попри це, в термінологічній роботі недостатня ува-

га звертається на впорядкування й уніфікацію зовнішньої форми (на рівні складу лексичних одиниць) і синтаксичної структури термінологічних словосполучень і конструкції спеціальної лексики, хоча це і більш реальне завдання, ніж повна стандартизація термінології.

Під час укладання термінологічних тлумачних словників лінгвіст може лише до певної міри визначити способи мовного вираження готових понять з метою вироблення коротких і чітких дефініцій термінів, однак це не стосується енциклопедичних словників, де подають вичерпну характеристику понять. З приводу цього Н.З. Котелова пише: „Щодо енциклопедій, то в них інвентаризуються й описуються не мовні знаки, якими є терміни, що являють собою слова і сполучення слів з певними якостями, а позитивна дійсність – люди, предмети, населені пункти, держави, явища, події, ремесла, галузі науки та техніки тощо. До словників звертаються, щоб отримати довідку про мову та правильно користуватися нею, до енциклопедій – щоб отримати довідку про дійсність і розширити коло знань про неї” [2, с. 30]. Крім цього, існує не тільки мовна, але й предметна нормалізація в сфері науки та техніки, метою якої є створення гармонійних стандартів виробів, процесів виробництва, зберігання тощо, тобто всього того, що визначає функціонування цілого виробництва. Тут під “стандартом” ми розуміємо результат роботи зі стандартизації, яка проводиться в певній області при схваленні компетентною організацією.

Стандарт може бути:

- 1) документом із низкою нормативних положень;
- 2) основною одиницею або фізичною константою;
- 3) будь-яким предметом, що служить за еталон.

Тут слід не забувати, що виробничий процес обслуговується відповідною термінологією. Тому предметна і мовна нормалізація вже з самого початку тісно пов’язані одна з одною в обов’язковому порядку, навіть взаємозалежні, хоча перша з них, безумовно, є полем діяльності лише фахівців відповідної галузі.

Таким чином, нормалізація науково-технічної термінології (тобто повна нормалізація) є прерогативою спеціалістів відповідної наукової галузі, логіків і

лінгвістів, які спільно повинні регулювати процес наділення понять термінами. Тому під час упорядкування термінології застосовують три види нормалізаторської діяльності:

- 1) лінгвістична нормалізація, тобто мовна правильність при утворенні та вживанні термінів;
- 2) змістова нормалізація термінів (визначення змістовного співвідношення терміна та його функції);
- 3) логічна нормалізація, точніше побудова правильної ієрархії понять, і визначення понятійної точності терміна.

Саме завдяки реалізації окреслених видів нормалізації здійснюється взаєморозуміння на будь-якому мовному рівні, і в цьому сенсі має рацію Ю.Д. Апресян, стверджуючи, що “розуміння людиною текстів складається з трьох речей – знання мови, знання логіки та знання дійсності” [1, с. 109]. Зрозуміло, що далеко не завжди можна чітко розмежувати ці види знань, тому що вони багато в чому залежать від конкретних проблем практичного характеру. Але з іншого боку, всі три види нормалізації є взаємопов’язаними, й лінгвіст не наділений правом винесення остаточного вердикту щодо правильності чи неправильності того чи іншого терміна; більше того, всі його висновки повинні спиратися не лише на мовні особливості термінологічної одиниці, але й на змістовну та логічну сторону підведеного під термін поняття. Лінгвіст повинен стояти на чіткім вихідних теоретичних засадах, оскільки “лише з твердих позицій певної загальнотеоретичної концепції можна поставити питання (відповідно вирішити) стосовно норми в термінології, про так званий професійний варіант норми та про конкретні рекомендації в області практичного терміноутворення та терміновживання” [2, с. 9].

Лінгвістичну нормалізацію термінології не слід розглядати як єдиний та одноразовий процес. У мовознавстві про це свідчить досить велика кількість термінів, що висвітлює якесь конкретне поняття з різних боків. Однак, нерідко ці терміни вживають помилково, не усвідомлюючи особливої різниці в їх значенні. Через те багато лінгвістів справедливо вимагають чіткого розмежування функцій

цих понять, уникнення їх сплутування, надмірних ускладнень термінів і створення умов для вирішення необхідних практичних термінологічних потреб. Таким чином, упорядкування вимагає сама лінгвістична нормалізація термінології.

Найуживанішими термінами в даній сфері є: кодифікація, стандартизація, уніфікація, нормалізація, впорядкування, логізація, спеціалізація, специфікація, систематизація, гармонізація, естетизація, типізація, симпліфікація тощо.

Усі подані вище терміни позначають важливі лінгвістичні процеси і об'єкти, однозначно виокремлені термінологами; і дані процеси слід також послідовно й однозначно термінувати, якщо ми не хочемо змішувати їх завдання, властивості та методику реалізації. Таким чином, крім методичного забезпечення нормалізаторської діяльності в сфері термінології, слід чітко розробити, систематизувати й уніфіковано позначити весь комплекс понять, об'єктів і процесів, що стосуються впорядкування термінології. Завдання лінгвістики в справі нормалізації термінології є абсолютно реальними, а отже, й реалізованими.

Список використаних джерел:

1. Апресян Ю.Д. Трудности построения формальной модели языка / Ю.Д. Апресян // Кибернетика: Перспективы развития. – М.: Наука, 1981. – С. 109–113.
2. Котелова Н.З. Семантическая характеристика терминов в словарях / Н.З. Котелова // Проблематика определения терминов в словарях разных типов. – Л.: Наука, 1976. – С. 33–40.

Шелихова С.В.

Сибирский государственный аэрокосмический университет

имени академика М.Ф. Решетнева, Российская Федерация

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МЕТАФОРЫ В БИЗНЕС-ДИСКУРСЕ

Средства массовой информации являются универсальным агентом коммуникации, средством циркуляции тех данных, которые необходимы для поддержания её стабильности и которая кодируется главным образом вербально. Язык в дискурсе СМИ используется с целью оценки и построения журналистом своего горизонта интенциональности. Таким образом, существует возможность ак-

тивного вторжения в языковую сферу с целью регулирования восприятия индивидом явлений социально-политического характера. В данной функции язык используется говорящим как средство собственного вторжения в речевой акт и является не чем иным, как способом выражения своего мнения, своего отношения и своих оценок, а также тех отношений, которые он устанавливает между собой и реципиентом.

Термин “дискурс” обладает широкой синонимией. Вместе с тем за многообразием дефиниций отчетливо прослеживаются два подхода к определению этого понятия. В соответствии с первым из них дискурс рассматривается в качестве формы высказывания и характеризуется либо как расчленение, различение (представление в виде высказывания), либо как форма выражения, в которую может быть вложено любое нужное содержание, либо как метаязык и особая грамматика, которой соответствует определенный ментальный мир. Второй подход делает упор на внутреннюю организацию элементов текста, и тогда дискурс предстает в качестве связного текста.

Как и любой тип дискурса, бизнес-дискурс характеризуется своей лексикой грамматикой и синтаксисом, помогающим построить особый ментальный мир. Метафора, также является неотъемлемой частью дискурса и в текстах бизнес-тематики представляет собой особое средство построения альтернативных миров, воспринимаемых читателями.

В лингвистической науке метафора рассматривалась всегда как стилистическое средство или художественный приём. Однако к настоящему времени широкое распространение получила когнитивная «теория концептуальной метафоры» Лакоффа и Джонсона.

Согласно этой теории метафора – не только языковая характеристика, но и принадлежность мышления или действия; метафоры, как лингвистические выражения возможны именно потому, что они имеются в концептуальной системе человека. Понятия, управляющие нашим мышлением, структурируют то, что мы воспринимаем и то, как относимся к другим людям, играя центральную роль в определении повседневных реальностей.

Суть метафоры, таким образом, заключается в понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида.

Простейшие типы концептуальных зависимостей имеют следующий вид:

1. А есть В (А представляет собой В).
2. А имеет В.
3. А имеет отношение к В (А связано с В).

Данные схемы могут выглядеть несколько упрощенными и не учитывающими многозначность большинства речевых категорий, но задачи речевого воздействия как раз требуют, чтобы на некоторые речевые стимулы человек реагировал молниеносно и однозначно. Для этого необходимо, чтобы доступ к подобным знаниям был несложен. Как известно, некоторые концепты в памяти человека явно ассоциируются с другими (кислый... лимон, фрукт... яблоко). Именно такие прогнозируемые ассоциации планируются продуцировать путем установления семантических зависимостей между концептами в процессе персуазивной коммуникации.

Если рассматривать концептуальные зависимости в пределах определенной категории как узлы семантической сети, то речевые воздействия можно определить как операции над семантическими сетями (разрыв ассоциативных связей и установление новых).

Для реализации концептов используются следующие приемы:

1. Отождествление, или идентификация базируется на модели А есть В (А представляет собой В). Например: We are the princes of the political throne.

2. Сближение по свойствам, или атрибуция, базируется на модели «А обладает свойством В». Данный способ установления ассоциативных зависимостей обладает большой убеждающей силой, поскольку семантический вывод об идентификации объекта подается имплицитно (это доверено сделать самому адресату), а всякое знание, добытое собственными интеллектуальными усилиями, осознается как свое, личное.

Приемы установления ассоциативных связей на основе подобия необычайно продуктивны, в частности в стратегии дискредитации, где они реализуются в специфических речевых тактиках.

3. Установление ассоциативных связей по второстепенному, несуществующему признаку. Например: *As the hyper power of the free, it must strike back at international terrorist – the new international communism.*

В данном случае в основу наименования по принципу «ярлыка» кладется звуковая форма слова, так называемый прием паронимичной аттракции: терроризм – коммунизм.

Метафора в текстах бизнес-тематики направлена на формирование у получателя информации только такого мнения об экономических процессах, деятельности фирм и их взаимодействии, какое сложилось у автора текста (журналиста или интервьюируемого). По ходу интерпретации воссоздается ментальный мир автора дискурса, который включает в себя не только характеристики объектов и действующих лиц, но и домысливаемые детали и оценки, т.е. читатель как бы переселяется в чужой мысленный мир и становится объектом языкового воздействия. Причём наилучшее восприятие метафоры возникает, когда автор осведомлен о традициях, субкультуре и системе мифов потенциального реципиента.

Средства массовой информации активно используют метафору для построения картины мира в сфере бизнеса, и используют настолько эффективно, что ее присутствие, ставшее неотъемлемой частью бизнес-текстов, незаметно массовому потребителю. Это, в свою очередь, позволяет воздействовать не на его сознание, а на бессознательные компоненты его психики. Таким образом, метафора в текстах бизнес-тематики оказывается средством формирования представлений.

Поскольку большинство метафор, используемых в бизнес-текстах, являются ассоциативными, т.е. устанавливают аналогии между любыми объектами действительности, то их влияние на формирование отношения потребителей к теме является непрямым. Можно сказать, что целями употребления метафор в бизнес-дискурсе являются: привлечение внимания потребителя, усиление сенсационности сообщения, построение авторского видения.

Участие метафоры в формировании образа бизнесменов, фирм и других лиц, действующих на рынке, зависит от частоты появления информации на определенную тему и от «пригодности» этой темы для привлечения внимания. Чем меньше понятна тема среднему потребителю информации, чем больше в ней профессиональных понятий (финансово-экономических), тем больше вероятность появления метафор, заменяющих эти понятия. Если представлять себе финансово-экономические тексты в печатных изданиях как рынок информации, то метафора в каждом отдельном случае будет средством для захвата как можно большего количества потребителей, а также для оценки ситуации (положительной, отрицательной или нейтральной). Таким образом, в сфере бизнеса метафора становится инструментом описания ситуации, делает ее доступной любой целевой аудитории, а также формирует отношение к происходящему.

Можно выделить три основные функции метафоры в бизнес-дискурсе:

1. Функция воздействия. Метафора является мощным средством формирования у адресата необходимого говорящему эмоционального состояния и мировосприятия. Например, ассоциируя компанию и её сотрудников с игроками или военными, применяющими в своей деятельности запрещённые приёмы, читатели переносят на неё негативное восприятие, являющееся традиционным в обществе и связанное с жизненным опытом. В результате получатели информации разделяют видение автора статьи, в чём и заключается метафорическое воздействие.

2. Функция активизации внимания. Одной из целей употребления метафор в бизнес-дискурсе является привлечение внимания потребителя к той или иной теме, поэтому направление авторской мысли необходимо сделать явным уже в заголовке. Именно с него начинается восприятие описываемой ситуации, а содержащаяся в нём метафора не только создаёт необходимое впечатление, но и определяет направление мысли читателя.

3. Изобразительная функция. Метафора помогает сделать сообщение более наглядным, эстетически значимым. Метафора, являясь средством категоризации понятий и построения возможных ментальных миров, влияет на восприятие читателей путём создания различных образов, характеризующих кон-

кретных людей или ситуацию. Заставляя получателей информации переосмысливать действительность в терминах имеющегося у них опыта, а также создавая яркие образы, метафора делает альтернативный мир автора дискурса более понятным.

Перекладознаводство

К.филос.н. Коляда Н.А.

Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

КОНЦЕПЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Перевод с одного языка на другой является средством преодоления все еще существующего языкового барьера, средством, облегчающим общение между людьми. Перевод с одного языка на другой открывает перед человеком возможность проникнуть в другую культуру, изучить ее с целью развития и совершенствования своей собственной, то есть через перевод человек вступает в диалог с другими культурами.

В последнее время перевод рассматривается не только лингвистическим, но культурным и концептуальным явлением, перевод с языка на язык как перевод с культуры на культуру. Благодаря деятельности переводчика происходит культурный обмен и взаимообогащение, сближение с сокровищами мирового искусства, научной мысли. Большая значимость переводческой деятельности наблюдается, в первую очередь, в процессе развития и обогащения родного языка. Ведь не секрет, что развитие русской философии (относительно формирования понятийного языка) заключалось в том, что рефлексивное отношение к предмету возникло благодаря литературе, в рамках творческого осмысления и усвоения европейского романтизма, в частности, в переводах Пушкина, Жуковского, в которых прослеживалось развитие культурного творчества, соверша-

лась работа над языком. Считается, что в русской культуре тогда еще только начиналась так называемая стадия развития концептуального языка, становление же русскоязычной терминологии происходило при сопоставлении с другими языками. Совершающееся в процессе перевода сравнение с другими языками, с другими способами вербального выражения ярко демонстрирует возможности и границы собственного языка, и это, в свою очередь, приводит к вопросу о переводимости и непереводимости тех или иных научных и художественных текстов.

Перевод, являясь одним из древнейших видов разумной деятельности человека, претерпевает бурное развитие, однако, только в XX веке. Различные теоретические изыскания, сопоставительные и контрастивные исследования на лингвистическом уровне, служат формированию понятийного аппарата теории перевода. Но если в классической латыни перевод представлял собой лишь своеобразную рецепцию греческой культуры, преследовавший цель «отразить» в чужом тексте лишь блеск собственного языка, то теперь к переводческой деятельности человека предъявляется ряд требований для максимального достижения и понимания переводимого текста при сохранении «лица» автора исходного языка.

Неоспоримым является тот факт, что главную роль в переводе играют языки. Для филологической герменевтики первооснова процесса перевода носит языковой характер. В науке о переводе, переводоведении, первостепенное значение занимают лингвистические теории перевода, связанные, как с общетеоретическими, так и с конкретными лингвистическими вопросами. Это и выявление межъязыковых соответствий и языковых параллелей, а также расхождений при сопоставительном изучении двух языков (при исследовании грамматики, лексикологии, фразеологии, идиоматики, синонимии, лексикографии, стилистики конкретного языка), и учет различий синтаксических возможностей двух языков, и передача значения слова, безэквивалентная лексика и ложные эквиваленты, а также возможности перевода фразеологических средств.

Немало важными при этом являются и лингвокультурологические аспекты – передача слов, обозначающих национально-специфические реалии общественной жизни и быта того или иного народа, и передача имен собственных, прозвищ и т.д. Перевод, таким образом, является деятельностью, ориентированной на максимальное приближение условий опосредованной двуязычной коммуникации к условиям непосредственной одноязычной и отвечающей ряду требований, к которым относят коммуникативно-функциональную эквивалентность ИЯ и ПЯ, их структурно-семантическую аналогию, минимизацию применения компенсирующих отклонений и т.д.

Еще в 19 веке немецкий теолог и филолог Ф. Шлейермахер усматривал цель филологического перевода в рамках герменевтической традиции, а именно как искусства и теории истолкования текстов, в том, чтобы максимально приблизить читателя к автору.

Деятельность переводчика при этом усматривается в воспроизведении оригинала в иной системе языковых знаков, в воссоздании на другом языке уже имеющегося произведения, которое является по отношению к переводу первичной деятельностью, продуктивной стороной – опредмечиванием. Деятельность же переводчика характеризуется как вторичная деятельность, как процесс распредмечивания опредмеченного продукта, процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором создается вторичный текст, т.е. мета-текст.

Вся система приемов мыследеятельности, превращающих непонимание в понимание, разработана филологической герменевтикой. Ее главная составляющая – воссоздание единства содержания и формы. Деятельность же переводчика в этом отношении, это особая языковая деятельность, направленная на воссоздание подлинника на другом языке, деятельность, требующая специальной подготовки, обладания навыками и умениями, совершенного владения иностранным и родным языком, знания не только своей культуры, но и культуры народа, носителя переводимого языка.

Трудно согласиться с тем, что сферой применения филологического перевода оказываются исключительно художественные тексты, так как перевод научных текстов, особенно гуманитарной направленности, требует хороших

знаний многих грамматических явлений, присущих каждому отдельному языку, незнание которых может привести к искажению не только формы, но и главного содержания переводимого текста. В частности, это касается перевода текстов на немецком языке, изобилующих распространенными определениями (аналог русскому необособленному причастному обороту), заменой имени существительного указательными, а также личными местоимениями, при учете того факта, что родовые понятия в немецком и русском языках имеют разительные несоответствия. Все это затрудняет процесс перевода, при котором необходимо, например, прояснить значимость стоящих друг за другом артиклей, чтобы не исказить смысл иноязычного текста, смысл, который несет большую нагрузку при переводе научного текста, нежели художественного.

Задачи же перевода художественного текста заключаются в поиске соответствия слову, т.к. художественный перевод ищет не просто соответствия слову подлинника, а его экспрессивно-эмоциональную окраску, чтобы передать его эстетическую ценность, сохранив (и это главное) при переводе индивидуальность, стиль, языковое своеобразие автора.

Особое место в этом направлении отводится поэтическому переводу, который является ярким примером тому, что деятельность переводчика вторична. Невозможно передать с одного языка на другой мелодику стиха, его поэтичность, колорит. При этом всегда бывают потери или приобретения, так как порой перевод бывает лучше оригинала. Но это, как правило, перевод вольный, на заданную тему. Так, например, заметим, что М. Лермонтову не удалось передать «дух» стихотворения Г. Гейне „Ein Fichtenbaum“ в отличие от З. Гиппиус и Ф.Тютчева, которые учли при переводе родовые соответствия в оригинале, что усилило художественное впечатление, производимое переводом. «Fichtenbaum» они перевели слово «кедр», а не «сосна», как это буквально сделал М. Лермонтов, поэтому обоснованными оказались «мечты» кедра о пальме, его тоске по ней.

Любой анализ перевода – это анализ о его соотношении с оригиналом, об интерпретации в переводе, о творческом и воспроизводящем моменте. Следуя только букве, невозможно сохранить смысл, который не существует, однако,

без языка. Перевод помогает освоить и усвоить новый смысл. Перевести – означает адекватно понятийный смысл языка – оригинала воссоздать адекватно средствами другого языка. Следовательно, герменевтический аспект является точкой отталкивания при создании перевода.

Следует отметить, что герменевтическая сторона в лингвистике перевода специально не тематизируется. На сегодняшний день концепции восприятия и понимания языковых произведений у лингвистики нет. Лингвистика использует философские концепции для строения своего методологического фундамента. Так философская герменевтика стала для литературоведения методологической основой рецептивной эстетики Р. Яусса. С философской проблемой понимания, которая представляет собой универсальный аспект философии, перевод связан именно своим герменевтическим аспектом. Различные концепции и теории перевода представляют собой опыт осмысления ряда проблем философской герменевтики.

Концепции философской герменевтики необходимы для решения проблем, значимых для осмысления феномена языкового посредничества. Искусство истолкования и интерпретации научных текстов – это не просто искусство, это процесс, связующий проблему познания и понимания, такого понимания текста, которое раскрывает истинность мысли, изложенной на исходном языке. Для немецкого философского языка, например, характерно выражение смысловых идей в пределах одного предложения. И тут возникает вопрос: возможен ли адекватный перевод или необходима только интерпретация текста, нужны ли знания переводчика касательно той проблемы, которая затрагивается в тексте-оригинале, должен ли переводчик осмыслить излагаемый материал или достаточны при этом только его языковые знания? Возможно ли в данном случае «слияние» филологической и философской герменевтики, поскольку герменевтическая концепция текста – это философское осмысление филологического понятия «текст», который с точки зрения лингвистики является единицей перевода?

Философская концепция исходит изначально из интерпретации научного, в частности философского, текста, что, однако, неприемлемо при переводе художественного текста.

Д.філол.н. Шепель Ю.О.

Дніпропетровський національний університет імені О. Гончара, Україна

ПРИНЦИПИ МОДЕЛЮВАННЯ СУЧАСНОЇ КОМП'ЮТЕРНОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ ТА ЇЇ ПЕРЕКЛАД

Термінологічна система галузі інформаційних технологій належить до наймолодших систем, оскільки виникла наприкінці ХХ сторіччя разом з виникненням і розвитком комп'ютерних та інформаційних технологій. Оскільки лідером розвитку галузі інформаційних технологій були й залишаються США, природно, що первинна номінація нових розробок відбувається в цілому англійською мовою.

Однією з актуальних проблем сучасного мовознавства являється визначення способів утворення неологізмів у галузі інформаційних технологій і аналіз шляхів їх адекватного перекладу іншими мовами.

Класифікацію термінологічної лексики можна здійснювати за моделями утворення термінологічних інновацій або за семантичними групами. Дослідження з цієї галузі показують, що найбільш поширеним способом утворення термінів-неологізмів для позначення понять з галузі інформаційних технологій є надання нового значення вже існуючим лексичним одиницям. Приклади таких новоутворень найчисельніші, пор.:

menu – 1) a list of dishes available at a restaurant or to be served at a meal

2)(computing) a list of possible actions from which a user can choose, displayed on a computer screen

file – 1) any of various types of drawer, self, holder, cover, box, etc. usually with a wire or metal rod for keeping loose papers together and in order, so they can be found easily

2)(computing) an organized collection of related data or material in a computer application – 1) the action or process of making a formal request

2) the action or an instance of putting or spreading sth onto sth else

3) the action or process of making a rule

4) the action or an instance of putting a theory, discovery, etc. to practical use

5) (computing) a program designed to perform a particular task for the user

Поширеним способом утворення комп'ютерних неологізмів також виявляється композиція. Чисельними являються новоутворення, що виникли шляхом простого складання основ без з'єднувального елемента: *keyboard, filename, software, spreadsheet*. Такі терміни виступають прикладом новоутворень, значення яких є сумою значень складових елементів. При утворенні нової лексичної одиниці не відбувається семантичний зсув її складових частин.

Так звані «синтаксичні» складні слова, сформовані з сегментів мовлення, зберігають у своїй структурі ознаки синтагматичних відношень, що виявляється типовими для мовлення. Такий тип словотворення є типовим для англійської мови і широко представлений в ІРТ сфері інформаційних технологій. Наприклад: *ready-to-use, black-and-white, clear-to-send, digital-to-analog, dual-in-line etc.*

Структура більшої кількості складних слів у галузі інформаційних технологій виявляється прозорою. Семантика похідного слова повною мірою відповідає семантиці його складових елементів. Цілком є очевидним, що такі складні слова походять від словосполучень. Утворення та вживання термінологічних словосполучень виявляється функціонально виправданим, оскільки вони більш точно описують процес або об'єкт, ширше розкривають поняття. Такі словосполучення є цільною лексичною одиницею. Найчастотнішими є словосполучення типу Adjective + Noun, у яких головне слово називає предмет / процес, а залежне надає йому характеристики. Наприклад: *compact disc, application program, virtual machine, graphical interface*.

Термінологічні словосполучення можуть бути як двокомпонентні, так і багатоконпонентні (*disaster recovery disk*), але вони є структурно ідентичні – у препозиції використовуються іменники в атрибутивній функції (*default application*), прикметники (*personal computer*) або іменник + прикметник (*virtual machine manager*).

Термінологічні словосполучення часто використовуються у вигляді аббревіатур / акронімів, більшість з яких є загальноновживаними у галузі інформаційних технологій. Скорочення як засіб утворення слів залишається одним з найбільш продуктивних у сучасній англійській мові, що пояснюється тенденцією

до збільшення темпу життя і до економії мовних засобів. Наявність акронімів є однією з типологічних однак, притаманних науково-технічному типу тексту. Акроніми є одним з видів економії мовних засобів і слугують компресії інформації на лексичному рівні. Використання аббревіатур / акронімів стає можливим завдяки тому, що адресат ІРТ володіє спільним з автором тезаурусом.

В ІРТ з інформаційних технологій поширене вживання аббревіатур / акронімів спричинено відносною чисельністю багатокomпонентних термінологічних словосполучень, скорочення яких необхідно для економії місця.

Наприклад: *ROM – Read Only Memory;*

RAM – Random Access Memory;

SIP – Single In-line Package;

SDLC – Synchronous Data Link Control;

TCP/IP- Transmission Control Protocol/Internet Protocol.

Чисельні комп'ютерні інновації входять до складу української мови разом з розвитком науки і техніки. В умовах відсутності певного поняття для позначення явища або об'єкта, процес номінації відбувається двома шляхами:

➤ новий термін запозичується з іншої мови разом з асиміляцією явища або поняття;

➤ номінації відбувається засобами, існуючими у мові (напр., надання нового значення існуючим словам).

Дослідження показують, що при перекладі комп'ютерних термінів українською мовою використовуються наступні методи:

- 1) транслітерація (транскрипція);
- 2) калькування;
- 3) експлікація;
- 4) переклад на основі аналогії (із застосуванням стандартної лексики в іншому значенні).

Шляхом транслітерації або транскрипції були запозичені такі терміни, як *Інтернет, чат, хекер, принтер, комп'ютер, файл, сайт, драйвер* і т. ін.

Під калькуванням розуміють переклад частин іншомовного слова (складного, похідного або словосполучення) з подальшим складанням елементів в одне ціле. Прикладами калькування є переклад таких термінологічних словосполучень, як: *access code* – код доступу, *auto repeat* – автоматичний повтор, *absolute disc read* – абсолютне зчитування з диску.

Одним з поширених способів перекладу комп'ютерних термінів, що використовується задля адекватного відбиття семантики терміна, є експлікація. Експлікація полягає у поясненні нового терміну засобами, що існують у мові перекладу. Особливо ефективним даний засіб є при перекладі багатокомпонентних словосполучень, елементи яких не мають у мові перекладу відповідних еквівалентів. Наприклад, *Random Access Memory* – запам'ятовуючий пристрій з вільною вибіркою, *cache hit* – успішний пошук у кеш-пам'яті.

Лексичні одиниці української мови, так само як і англійської, розвивають нові значення задля позначення нових понять і об'єктів. Прикладами функціонування лексичних одиниць у новому лексико-синтаксичному варіанті є такі терміни, як *мультиплікація «оживлення»*, *меню «список команд»*, *програма «комп'ютерна»*. Більшість з цих новоутворень пройшла синхронний шлях разом з англійськими термінами у процесі розвинення нового значення, тому точніше було б вважати, що було запозичене нове значення, а не лексична одиниця.

Отже, термінологічна система галузі інформаційних технологій має динамічний характер, про що свідчить виникнення нових лексичних утворень для позначення інноваційних розробок у цій галузі.

АРХІТЕКТУРА

- Коненкова А.К.* Творчество А.М. Горностаева в контексте формирования русского стиля в архитектуре 2 пол. XIX в. 3

МИСТЕЦТВОЗНАВСТВО

- Литвинюк Л.К.* Використання абстрактного зображення у логотипі як елементу художньо-образної основи стилю закладів мистецтва 16

КУЛЬТУРОЛОГІЯ

- Востриков А.В.* Взаимодействие русской и французской культур на примере участия России во всемирных выставках в Париже в XIX столетии 19
- Лепешкина Л.Ю.* Обряды и ритуалы жизненного цикла народов Поволжья в историческом краеведении..... 22

ФІЛОЛОГІЧНІ НАУКИ

Літературознавство

- Дзюбенко А.И.* Time and tense modelling of modern english female fiction 31
- Иванникова С.Г.* Изменения как константа жизни (о поэме С.Н. Сергеева-Ценского «Движения») 34
- Логвінов І.І.* Арабське чи французьке перо франкомовної магрибської літератури? 44

Українська та російська мови

- Дриняева О.А., Чернышова И.В.* Словотворчество детей в словообразовательном аспекте 47
- Дьякова Т.А.* Область графических написаний применительно к обучению русскому языку как иностранному 52

Слов'янські мови

- Гнездилова Н.С.* Реализация образа камня в публицистическом дискурсе (на примере текстов на польском языке) 55

Германо-романські мови

<i>Бессонова М.В., Каслова А.А.</i> Репрезентация гендерного аспекта речевого портрета политика посредством афористики	60
<i>Буйских К.Ю., Каслова А.А.</i> Концептуальная метафоры с исходной понятийной сферой «Спорт» в англоязычных СМИ	65
<i>Гнатенко Е.В.</i> Проблемы при изучении английского языка в спортивном вузе ..	69
<i>Кучумова Н.В.</i> Ways of Forming Medical Eponyms	72
<i>Лисейко Л.В.</i> Стилiстичнi особливостi конфесiйних текстiв середньовiсньонiмецького перiоду.....	75
<i>Путятина Е.И.</i> Ономазиологические аспекты словообразовательных моделей английских прецизионных числительных «0» и «2»	78
<i>Толстова Т.В.</i> Жанровый анализ когнитивной структуры коммерческого рекламного письма на английском языке	89

Загальне мовознавство

<i>Куделько З.Б.</i> Лiнгвiстичне впорядкування термiнологiї: аспекти i проблеми ..	92
<i>Шелихова С.В.</i> Функционирование метафоры в бизнес-дискурсе	95

Перекладознавство

<i>Коляда Н.А.</i> Концепции философской и филологической герменевтики при переводе	100
<i>Шепель Ю.О.</i> Принципи моделювання сучасної комп'ютерної термiнологiї та її переклад	105

Наукове видання

Мови видання: українська, російська, англійська

НАУКА В ІНФОРМАЦІЙНОМУ ПРОСТОРИ

Матеріали VIII Міжнародної науково-практичної конференції
(4–5 жовтня 2012 р.)

У семи томах

Том 1. Архітектура. Мистецтво та культура. Філологія

Окремі доповіді друкуються в авторській редакції

Організаційний комітет не завжди поділяє позицію авторів

За точність викладеного матеріалу відповідальність покладається на авторів

Відповідальний редактор *Біла К.О.*
Технічний редактор *Капуш О.Є.*
Оригінал-макет *Біла К.О., Єпішко М.Г.*

Здано до друку 22.10.12. Підписано до друку 25.10.12.
Формат 60x84¹/₁₆. Спосіб друку – різнограф.
Ум. др. арк. 5,7. Тираж 100 пр. Зам. № 1012-01.

Видавець та виготовлювач СПД Біла К. О.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру ДК № 3618 від 6.11.09р.

Надруковано на поліграфічній базі видавця Білої К. О.
Україна, 49087, м. Дніпропетровськ, вул. Березинська, 80, офіс 2
Поштова адреса: Україна, 49087, м. Дніпропетровськ, п/в 87, а/с 4402

тел. +38 (067) 972-90-71

www.confcontact.com
e-mail: conf@confcontact.com

